

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ,
ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ
СУДЬБЫ...

НАСЛЕДНИК ИЗ СИАМА

Детектив по новым правилам

Лариса Соболева

Наследник из Сиама

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л. П.

Наследник из Сиама / Л. П. Соболева — «Издательство АСТ»,
2018 — (Детектив по новым правилам)

ISBN 978-5-17-111147-2

Неисчерпаемая тема – наследники и наследство, а также те, кто очутился рядом с роскошью. Богатство всегда является провокацией для людей, которым не повезло набить карман, но не всегда оно – цель преступника. Иногда богатство сносит крышу у наследников, меняя их человеческий облик на нечто inferнальное, не поддающееся разуму. И тогда в силу вступают обратные законы. Три отца, жившие в разные эпохи, судьбы их детей, ошибки и раскаяние, ненависть и обиды, долг и ответственность, алчность и мстительность – об этом роман «Наследник из Сиама». И все надеялись решить свои проблемы за счет наследства — законного и незаконного. Это пятый роман о Софии и бабушке Марго, которая жила в девятнадцатом веке и нашла свое место в полиции, став тайным агентом начальника следственных дел.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111147-2

© Соболева Л. П., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

1	5
2	20
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лариса Соболева

Наследник из Сиам

1

И бандит проливает слезу

Борис полагал, полтора месяца с того дурацкого случая, когда жена застукала его в автомобиле с девицей (шикарной до одури и такой же до одури тупой), достаточно, чтобы остыть. Видела-то она всего лишь поцелуи. Поцелуи! Это что – повод? Если бы в постели – тогда понятно, а поцелуи... Зачем же делать резкие движения, зачем кутерьма с разводом? Да, оба встретились на ступеньках у входа в ЗАГС, чтобы развестись! По инициативе Софии. То есть она бросает его. Его! Делать ей больше нечего.

Он скосил глаза на жену... настроена серьезно, держится уверенно, спокойна, как удав на охоте. София обмахивалась плоской белой сумочкой, иногда вытирала платком лоб под светлой челкой – жарко ведь – и поглядывала на часы. Короче, она отсекла от себя Бориса, ни о каком примирении не помышляла, у нее идея фикс – поскорее поставить точку. А он упорно намекал и намекал на примирение, пока не услышал:

– Боря, отстань, а?

Пока еще законный муж осекся на полуслове с открытым ртом. Надо же, предложив отстать, а это как-никак грубость, зеленые глаза Софии излучали сплошное миролюбие! Ни грамма раздражения, озлобления или хотя бы недовольства. Смотрела на Бориса по-доброму и, можно сказать, с эдакой ненавязчивой улыбкой. Какое-то иезуитское миролюбие. Зато у Бори есть не менее иезуитская манера изумляться простым вещам, будто он искренне надеялся на противоположную реакцию.

– А что такого я спросил? – поднял он плечи, отреагировав на «отстань».

– Не надоела ли мне поза оскорбленной, – процитировала его фразу София на безобидной улыбке. – Ты серьезно думаешь, что на развод я подала ради позы? То есть хочу что-то там доказать тебе? Забавно. Идем?

– У нас еще есть время, – буркнул Боря и отвел взгляд в сторону в знак большой обиды.

Настала очередь Софии покоситься на мужа, он верен себе: с виду джентльмен – куда там, а внутри – капризное дитя, выгадывающее для себя пряники с коврижками. Но детке скоро тридцать восемь, мог бы в столь далеко не нежном возрасте сообразить, что все, конец. Однако Боря не дурак, в бизнесе дураков не водится, отсюда вывод: не хочет муж сожалеть о ловку включать.

– Чего тебе не хватало? – завел он заунывную песнь обиженного. – Ну, да, да! Целовался. Осознал, что был дурак. Со всеми случается. Каюсь. Прости.

Ух, ты! Кажется, это первый раз за их совместную жизнь Боря просит прощения, пусть протестным, возмущенным тоном – по-другому он не умеет, но просит простить его! Думает, этого достаточно. София не могла не рассмеяться:

– Боря, смиришься, мне по барабану, с кем ты целуешься и спишь. Я к тебе не вернусь. Никогда!

– Почему? – Наива с тонну выписал пока еще муж!

София перестала смеяться, уставилась на него взрослыми глазами на лице хорошенькой студентки первого курса (а ей, извините, тридцать три недавно стукнуло), уставилась с жалостью во взоре. Из-за челки, закрывающей брови, и свисающих вдоль скул прямых прядей волос ее глаза потемнели, казалось, София рассержена, но ничуть не бывало. Стоило ей мотнуть

головой и откинуть волосы назад, выражение безмятежности вернулось, а Борис, наконец, признал с большим разочарованием: жене без него – классно, ее даже не будет мучить совесть, что она поступает с ним бессердечно.

Он не на шутку занервничал. Ему с ней было так удобно, так комфортно, София ведь неприязнительная, не доканывала его дикими запросами с истериками – мол, купи, дай, хочу; не терзала глупой ревностью, а поводов было – хоть отбавляй, но Боря не попадался. Ему не хотелось ничего менять в своей жизни, все устраивало, абсолютно все. Дурацкая случайность разрушила идеальный для Бориса вариант союза, в самый неподходящий момент жена (и откуда она взялась?) залезла в автомобиль на заднее сиденье, когда он с упоением целовал губки-щечки-шею и тискал силиконовую грудь. София не закатила скандала, а спокойно, будто на курорт ехала, собрала вещи и переехала к папе, встретиться отказывалась, только твердила, как дрессированный попугай: развод... развод. Полтора месяца не виделись, он получал приглашения на процедуру развода, но сам тянул время, надеясь, что супруга не идиотка, одумается, ведь Боря – находка для любой бабы.

– А вот и я! – подскочил к ним запыхавшийся Дикарь (это фамилия такая, с ударением на первый слог, а то удар на втором неприлично режет ухо). – Не опоздал, нет? Кругом пробки... Уф, жарко...

София терпеть не могла Борькиных друзей – заносчивые огрызки тухлого капитализма, а уж адвоката Дикаря органически не переваривала. Это алчное существо, хитрое и наиподлейшее, с нездоровой полнотой и улыбочкой кота, который в чем-то провинился, но ни за что не признается, в чем.

– Ты-то тут при чем? – нахмурила брови София, меряя немилосердным взглядом адвоката, ибо заподозрила подлянку.

– Понимаешь, София... – начал тот нахально-оптимистичным тоном, вытаращив рабы глазенки. Нахальный тон потому, что с первых звуков Дикарь уже давил на нее, подчиняя, однако не на ту напал. – В конфликтах главное что? (Она лишь подбородок вздернула, мол, что?) Примирение! Между вами я хочу выступить в роли посредника, это почетная миссия – сохранить семью. Дорогая...

Он взял ее за локоток, увлекая на расстояние от Бори, якобы пошептаться, София высвободилась и вернулась к отставному супругу. Итак, дело приняло странный оборот, посему, достав из сумочки смартфон, она стала водить по нему пальцем, слушая трескотню Дикаря:

– Столько лет вместе и... разрыв! Милая, ты же потеряешь достаток! Это, конечно, мелочь, но когда этот достаток имеется в полном объеме, его не замечаешь, потому что к хорошему привыкаешь быстро и навсегда. Когда же достатка лишаются... О, тогда человек чернеет, звереет и тупеет. Борис обеспечивал тебя, одевал, украшал...

– Побрякушки я оставила бывшему мужу в приданое, – вставила София. – Для следующей жены.

– Не язви, тебе не идет! Пойми, я серьезно хочу предостеречь тебя от необдуманного шага...

– Дикарь, отстань, а? – бросила она ту же фразу, что и Боре.

– Нет, погоди! – встал он перед ней. София невысокая, а этот... рыхлый мужичка с рожицей комика еще ниже. – Я всего лишь хочу, чтоб ты с практической точки зрения посмотрела на свой каприз. Если рассчитываешь получить при разводе...

– Ах, вон что! – рассмеялась она, приложив смартфон к уху. – Борька трепещет, потому что я могу потребовать долю? Ты же адвокат, Дикарь! Должен знать: если б я хотела что-то получить, мы разводились бы в суде, а не ЗАГСе. Детей у нас нет...

– Да разведут-то вас в два счета, – заверил он. – А что касается имущества, делят его годами в судебном порядке и после развода.

– Мне, кроме развода, ничего не нужно.

– Короче, я отказываюсь разводиться, – вдруг заявил экс-муж.

София нервно хохотнула, демонстративно хохотнула, давая понять двум идиотам, что их ухищрения не помогут, но Борису следует еще и расшифровать свое отношение, а то он намеков не понимает:

– Борь, катись к черту! Я тебя не люблю.

– Ну и что! – в знак недоумения поднял плечи Борис. – Дружба между мужем и женой тоже имеет место быть. Это даже практичней.

– Издеваешься на прощанье? – огрызнулась София, у которой от маразма голова вспухла. – Алло!.. Артем, спасай! Достали уже.

Он сидел в автомобиле, стоявшем на противоположной стороне площади, и наблюдал в бинокль за происходящем на ступеньках ЗАГСа. Артем уже минут десять ерзал на сиденье, но София запретила ему сопровождать ее.

– А ведь говорил: давай вместе... – вылезая из авто, ворчал он.

Направился он через площадь, по которой в одну и в другую сторону ехали потоки автомобилей. Минуту спустя Артем стоял за спиной Софии, скрестив на груди руки, и вежливо поинтересовался:

– Что здесь происходит, господа?

Новый персонаж на минуту обесточил обоих мужчин, которые не рассчитывали, что появится гора Эверест в черной футболке с белыми черепами и черной бандане на голове – кто сейчас носит этот атрибут братков прошлого века? Кроме того, он привлекал бицепсами борца и довольно простецкой, но вполне симпатичной, улыбающейся физиономией. Борис остолбенел, хотя немного был знаком с «ментом», но, видимо, потому и хватил его столбняк, что понял истинную причину развода. А Дикарь от этой массы подался корпусом назад и запрокинул голову, дабы рассмотреть персону, невольно выговорив:

– Это еще кто?

Ух, как он не любил чужие сюрпризы, а тут внезапно неожиданность выросла. Тем временем София, повернувшись к Артему, наябедничала:

– Представляешь, Борька сдурел, не хочет разводиться!

– Надо, Боря, надо, – мирно обратился к отставному мужу Артем, взяв Софию за плечи. – Мы немножко беременные, нам развод срочно нужен.

Шокированный Боря, вытаращившись, скользнул взглядом по жене сверху вниз и остановил его на животе. А ничего не видно. Наверное, из-за платья цвета морской волны, яркий цвет перетягивает внимание, однако платье-то свободного кроя... Все равно ничего не видно! Или срок небольшой? Боря даже шею вытянул вперед, а голову опустил – выглядел по-дурацки, стараясь таким образом разглядеть беременность, сразившую его, как отравленная стрела индейца когда-то убивала белых людей.

– Тем более вас не разведут! – радостно сообщил Дикарь, полагая, что задание клиента хотя бы оттянуть развод (если примирения не получится) реализовано без лишних хлопот. – Беременных в нашем гуманном государстве не разводят! У нас прекрасная, правильная страна.

– Она не от меня беременна, – хмуро остудил Борис.

– А это неважно! – отмахнулся от клиента адвокат. – Как твоя жена докажет, что ребенок не от тебя? Никак, пока он не родится. Так что, ребята, по коням и... по домам до рождения. Дети – это прекрасно!

– София, – наклонился к ней Артем, но на шепот не перешел, – это что за пигмей здесь в судорогах корчится?

– Адвокат Бориса, – просветила та.

– Ах, адвокат... – Артем отстранил Софию в сторону и по-хозяйски водрузил руки на пояс. – У меня масса способов укорачивать языки говорунам.

– Что вы себе позволяете! – раскраснелся от гнева Дикарь. – Ты вообще кто? Какое имеешь отношение...

Достав из нагрудного кармана жилета удостоверение, Артем сунул раскрытую книжечку под нос Дикарю, тем самым прервав его:

– Читать умеешь? Начальник уголовного розыска майор Курасов, к тому же имею прямое отношение к нашей беременности. Так вот, адвокат, я давно точу зуб на вашу жульническую породу, да все руки не доходят. Я и мои коллеги, рискуя жизнью, ловим преступников, а вы, адвокаты хреновы, отмазываете их. Но сейчас, когда задеваются мои кровные интересы, – указал он на живот Софии пальцем, – я возьмусь хотя бы за тебя и, поверь, найду повод прищучить.

– Вы мне угрожаете? – обалдел Дикарь.

– Предупреждаю. Улавливаешь разницу? А угрозы... обычно не применяю их, не люблю пустой треп, я сразу действую. Поэтому давай без осложнений.

– Пошли уже! – сказала София Борису, выдавая нетерпение.

– Минуточку, – схватил ее за руку Дикарь и тут же отдернул, опасливо посмотрев на Артема, который запросто одной лапой голову с плеч снесет. – Ты сказала, что тебе ничего не нужно, тогда... София, подпиши отказ от имущественных претензий на всякий случай, так сказать. А то бывает, разведутся мирно, тут же одна из сторон подает иск, мол, были нарушены права под давлением, теперь требую половину имущества.

– Ах-ха-ха-ха... – закатилась София от смеха. – А разыграли представление – будь здоров! На самом деле барахло превыше всего.

– М-да, нахваталась ты в ментовке словечек, – вздохнул Борис, затем покосился на Артема. – С кем поведешься...

– Не в ментовке, а в полиции, – поправила его София. – Мне нравится должность начальника пресс-службы, звучит круто. Идем, Боря! Из-за тебя и так откладывали сто раз наш развод, но теперь я хотя бы понимаю, почему ты не являлся: выдерживал меня. Вот прохвосты! Подписывать ничего не буду, в УВД меня научили внимательно читать документы, а на это требуется время, которого сейчас нет. Но, Боря! Даю тебе честное благородное слово: мне твое имущество, акции, деньги по барабану. Как и ты. Идем! Артем, подожди здесь.

– Может, лучше и мне с тобой? – настаивал он.

– Нет-нет, думаю, теперь проблем не будет.

Она решительно двинула в здание, за ней поплелся отставной муж, которого сопровождал раздосадованный Дикарь с папкой в руках. София слишком спешила, пришлось почти бежать за ней, при всем при том Борис не удержался от упреков на бегу:

– Ты променяла меня на этого жлоба? (София проигнорировала выпад.) – Значит, ты мне изменяла с ним, да?

– Главное, еще живя с тобой, я умудрилась ни разу не изменить Артему, – парировала она, намекнув, что неверна была до того, как ушла с чемоданами. – Жлоб, говоришь? Артем открыт, честен и никогда ничего не делает исподтишка, его уважают даже уголовники. А твои характеристики прямо противоположные. Хамишь, унижаешь, не замечая этого, весь такой прямолинейный, как доска. Но сам прекрасно распознаешь, когда тебе хамят, и твое самолюбие бесится. Значит, способен различать, где хорошо, а где плохо. А уж исподтишка урвать – ты в этом ас. Мне лапшу на уши вешал тоннами, а сам с бабами отрывался, не считая это изменами. Думаешь, я дура, не понимала? Мне просто было все равно. Пока не встретила Артема. Но когда я ушла, до тебя дошло, что ты потерял бесплатную няньку и служанку. Все, Боря, твоя проблема – больше уже не моя, я оставляю ее полностью тебе.

Слова Софии ударили по самолюбию Бориса, ведь то, что позволительно цезарю, не позволительно вассалам. Однако ничего не попишешь, рабы восстали, в данной ситуации нере-

ально что-либо изменить, пришлось войти в помещение, где ставят штамп и выдают свидетельство о расторжении брака.

Борис не помнил, чтобы София так радовалась хоть чему-то, она просто светилась, как галогенная лампа, получив бумажку-освобождение от уз Гименея. Собственно, он вообще не узнавал свою слишком холодную (в прошлом) жену, ее будто подменили на двойника-антипода. Она помчалась к выходу, словно девчонка, но никак не дама в положении, выйдя из здания, помахала бумажкой Артему и бросилась к нему. Он поймал ее, оторвал от земли и... поцелуй на глазах у отставного мужа и равнодушной публики! Ой, противная картина... Бориса коржило от этой сладости-радости, что не преминул заметить Дикарь и посчитал своим долгом посочувствовать:

– Неприятно, когда чужой мужик целует твою жену.

– Она мне уже не жена, – буркнул Борис.

– И радуйся. Характер у твоей Софии, знаешь ли... Да будь спок, женщин все равно больше, чем нас, а богатых мужчин – мизер, так что первые красотишки твои, отрывайся, пока не нацепил на шею новое ярмо. Лучше скажи, что еще ты успел переписать на свою маму до сегодняшнего дня?

– Из оставшейся половины – мало чего. Не успел.

– Плохо. Очень плохо.

– А кто учил постепенно переводить активы? Ты сам пугал органами, которые интересуются внезапными перебрсами собственности на родных.

Был такой эпизод, ну, что тут скажешь? Дикарь промахнулся, только признавать свои ошибки не в его духе, а выкрутиться – на то он и адвокат:

– Ты буквально понял, частями перевести времени хватило бы. Остается надеяться, что София не опомнится и не вернется к разделу имущества.

– Не вернется, – хмуро заверил Борис. – Она в тестя, у обоих впереди бежит гордыня со спесью, аристократы хреновы.

– Как показывает моя адвокатская практика, там, где бабки, – уверенным можно быть только в себе.

– А в тебе? Как насчет уверенности в тебе? Ты чуть не сделал меня отцом чужого отпрыска.

– Только до родов, Боря. От отцовства в наше время легко отделаться, сделал генетическую экспертизу – и послал всех куда подальше. Ладно, я поехал, у меня сегодня еще процесс.

Борис вяло махнул ему на прощание, не отводя взгляда от парочки, перебегавшей в неподобающем месте проезжую часть площади – и эти люди на страже закона!

Артем открыл дверцу автомобиля со стороны пассажира, подождал, пока София сядет, после захлопнул и обошел машину. А Борька, весь из себя джентльмен (не говоря худого слова), никогда не открывал ей дверцу.

– Так кто из вас жлоб, Боря? – вырвалось у нее.

– Что? – плюхнувшись на сиденье, спросил Артем.

– Нет-нет, я сама с собой...

Она осеклась, потому что Артем протянул руку к ремню и пристегнул ее, сделал это машинально, привычно, потом лихо выехал с парковки. Нет, София и сама пристегивается – не безрукая же, но иногда забывает, тогда Артем пристегивает ее, потому что не любит напоминать одно и то же по сто раз. И не раздражается. Сегодня почему-то София обратила внимание на данный вроде бы незначительный факт, указывающий, что она значит для него – он же постоянно думает о ней, и это приятно.

– Боже мой... – Она взялась ладонями за пылающие щеки. – Не помню, чтобы я была так счастлива... разве что когда вышла моя первая книжка. Ой! А позвонить? – Через минуту с радостью докладывала: – Па, все кончено, развелись!

– Поздравляю, – слышали оба голос Арсения Александровича по громкой связи. – А заявление подали? Сожительство явление дурное.

– Па, ты как Артем! В одном кабинете получила свидетельство о расторжении брака и тут же бегу в другой подать заявление о регистрации? Это как-то некрасиво.

– В понедельник подадим, – пообещал Артем.

– Па, Борька заартачился и не хотел разводиться!

– Я его понимаю. Снисходительных женщин мало, он это знает.

– Ха! Папа, моя снисходительность держалась на нелюбви к нему, вот и все. Папочка, пока. Хочу теперь в себя прийти.

– Дщерь, желаю тебе произвести хорошее впечатление на родных Артема.

Кинув трубку в сумочку, София опустила со лба на нос солнцезащитные очки, проговорив с сомнением:

– А если не понравлюсь твоей семье?

– С чего это вдруг? – не отрывая сосредоточенного взгляда от дороги, спросил Артем.

– Я все же была замужем, а ты у нас ни разу не был женат.

– Официально не был. Не бойся, отец с матерью простые деревенские труженики, добродушные и открытые, ты им не просто понравишься, а очень понравишься, потому что... Нет, это без вариантов. Я люблю тебя, значит, и они автоматом полюбят. Знаешь, страшней было с твоим папой сблизиться, но, как видишь, язык общий нашли.

Это так. Насколько папа Софии терпеть не мог Борьку, настолько легко принял Артема. Однако ее насторожила тональность, она взглянула на Артема и поняла: что-то не так. Он какой-то излишне сосредоточенный, даже напряженный, может быть, из-за движения на дорогах, пробок. София решила не мешать ему расспросами и стала смотреть в окно. Ей нравился жаркий воздух, влетающий в салон, нравились пары бензина и запахи раскаленного асфальта, а еще чувство освобождения от всего постороннего, точнее, от Борьки.

– Вовка! Почему не брал трубу? – заговорил по телефону Артем тоном, который София хорошо знала, поэтому снова переключилась на него, теперь уже с беспокойством. – Ладно, прощаю... Развелась, развелась, об этом потом. Вовик, за нами от самого ЗАГСа «гелик» тащится, запиши номер и пробей, кто хозяин этой груды тщеславия... Жду.

София не стала оглядываться, как это делают в фильмах, а посмотрела в зеркало заднего вида с внешней стороны автомобиля. «Гелендваген» не частый представитель на дорогах, посему она сразу увидела черную «морду» с тонированными окнами, причем затемнение выше установленной нормы, а номер – три семерки! Круче не бывает.

Неожиданно Артем свернул с главной дороги, а они не планировали никуда заезжать, София догадалась: он проверяет, действительно ли «гелик» сидит у них на хвосте. Впрочем, у Артема была возможность в этом убедиться не раз, ведь поворотов на пути к окраине города достаточно, значит, что-то другое. Артем и не думал увеличивать скорость, напротив, ехал медленно и все внимание сосредоточил на зеркалах, София тоже следила за дорогой... «Гелик» неторопливо вывернул из-за угла!

Улица, на которой они очутились, не отличалась ни шириной, ни интенсивным движением, ни обилием магазинов, это район, удаленный от центра, здесь как бы микс из архитектурных стилей всех эпох и сословий. Особняк соседствует с развалюхой времен крепостного права, а советская пятиэтажка с гаражами и автомойкой. Разумеется, есть и магазины, возле одного из них Артем припарковался, коротко бросив Софии: «Выходи».

Тем временем «гелик» затормозил у группы деревьев, ни одна дверца не открылась, из-за тонированных окон нельзя было понять, кто находится внутри салона и сколько там человек. Артем взял за руку Софию и потянул в магазин, который меньше супермаркета, но больше стандартного гастронома. Внутри он метался из зала в зал, как тут Софии не поинтересоваться:

– Чего ты бегаешь?

– Выход ищу. Запасной. Парень!.. – Он потащил и ее к молодому человеку в униформе. – Запасной выход в магазине есть?

– Вон через ту дверь, – указал молодой человек, с недоумением глядя на парочку. – Но туда посторонним...

Юноша не договорил и правильно сделал, ведь парочка скрылась за дверью, которую Артем поначалу не заметил – ее перекрывали стеллажи с продуктами. Они прошли короткий коридор, вторая дверь была распахнута настежь, через нее грузчики заносили товар в боковое помещение, но, выйдя на задний двор, Артем озадачился. Двор обнесен сплошной стеной, причем очень высокой, выезд со двора напрямик приведет на улицу, а там – «гелик». Они – назад, не успели войти в магазин, раздался звонок, обрадовавший Артема:

– Вовка! Ну?

– Ты сейчас где? – не с того начал Вовик.

– На окраине, в магазине. Давай, что выяснил?

– Значит, «гелик» у тебя на хвосте до сих пор, да?

– До сих пор. Что накопал, говори!

– Ну, слушай, – с готовностью начал Володя. – «Гелик» принадлежит Бубнову Амирану Ираклиевичу. Клички: Бубен, Буба, Батоно и просто Батон, Ирак, Кит...

– Клички? – перебил Артем. – То есть он...

– Ага, ага. Потомственный гад. Еще он Король, естественно, Бубновый. Настоящее имя с отчеством – от папули, который был грузином и вором в законе, а фамилию взял мамашкину – отпетой мошенницы. Бубен сначала пошел по их стопам, а в 90-х активно участвовал в криминальных разборках, постреливал, крышевал неоперившийся бизнес, выбивал долги, наркоту сопровождал в почетном карауле...

– А с какого перепугу мне на хвост упал? Я о нем впервые слышу!

– Странно, конечно. Бубен отошел от дел, стал уважаемым и почти честным гражданином, заседал в нашей Думе в качестве депутата...

– Что значит – почти честный?

– У него сеть алкомаркетов, а там наверняка толкают отраву, разлитую в тару на подпольном заводе. У него все – ОК. Ты уверен, что тебя пасут?

– Уверен, уверен, – перебил Артем. – А со мной София!

До Володи дошло, что именно так сильно нервировало друга – судя по тональности, и ему понадобилось меньше минуты, чтобы предложить выход:

– Оставь ее в магазине.

– Не могу, они видели, как мы сюда зашли, второй выход тупиковый, ей придется остаться. Если я уеду один, нет гарантии, что они поедут за мной, а не возьмут ее. Мы же не знаем, что у них на уме!

– Давай подниму наших орлов и мы приедем?

– Давай. Попробую оторваться и посадить Софию в подходящем месте, а там – как Бог даст. Не отключайся от связи, буду говорить, где мы находимся.

Он осторожно положил трубку в нагрудный карман жилета разговорным динамиком вверх, купил две бутылки минеральной воды, бананы с ананасом и кивком указал Софии на выход. Когда сели в машину и тронулись с места, Артем громко сказал:

– Вовка, «гелик» на хвосте.

В кармашке послышались неразборчивые звуки, ведь громкую связь он не включил, собственно, неважно, что говорил Вовка. Софию, помалкивающую до сих пор, другое волновало:

– Чего ты всполошился? Ну, едут... и что? Это город, день, кругом люди... Они ничего нам не сделают. Успокойся.

Он оценил ее самообладание – для него это моральная поддержка, но в данной ситуации лучше думать о худшем варианте, который не следует скрывать от Софии. Но сначала Артем вдавил педаль газа, автомобиль вырвался вперед, свернул в переулок... еще поворот... еще...

– Сейчас выберем место, – говорил он, орудуя рулем влево-вправо, – где растут большие кусты, ты выйдешь и спрячешься, а я поеду дальше.

– И не подумаю, – заявила София.

– Я сказал – выйдешь и спрячешься! – сорвался он на крик.

И это первый раз за их совместную жизнь (пока короткую), когда он прибегнул к мужскому шовинизму: раскричался командир, приказывает! Ей оставалось только сохранять хладнокровие, хотя, конечно, и она нервничала:

– Не кричи, дорогой, не поможет.

– София, не исключено, что это откинувшийся зэк, которого я законопатил на энное количество лет. Без тебя мне спокойней и легче с ними... договариваться. Вот здесь! Давай выходи и – вон за те кусты...

Он резко затормозил на улице среди частных домиков с палисадниками, высокими заборами, а также громадными кустами сирени, жимолости и невероятно желтых цветов, схожих с подсолнухами на длиннющих стеблях. Есть где спрятаться. Но София и не думала выходить.

– Умоляю! – взывал Артем. – Быстро из машины в кусты!

– Поздно, – сказала она спокойно. – Нам не удалось удрать.

Однако не только «гелик» выплыл сзади из-за угла, впереди остановилась белая легковушка премиум-класса, перегородив проезжую часть. В сердцах Артем ударил ладонями по рулю и процедил:

– А эта тварь откуда взялась? Вовка, мы на улице Мартоса в кольце, еще одна тачка в нос уперлась. Смотри, какой мэн к нам идет...

Да, шел мужчина лет тридцати с небольшим, вполне приличного вида, если не считать рожи гопника, а только смотреть на белый летний костюм. Вышел мэн из белой иномарки, шагал неспешно, поглаживая свою отполированную парикмахером голову, а может, он от рождения лысый. Пока этот тип шел, Артем переложил пистолет из кобуры за пояс и с укором взглянул на Софию, но она положила ладонь на его бедро, улыбнулась, мол, ты зря нервничаешь.

Странно, у гопника, когда он наклонился и заглянул в окошко, пачка... то есть лицо выглядело каким-то трогательно-плаксивым, да и заговорил он не свойственным гопнику тоном, как-то так вежливо:

– Слышь, парень, ты Курасов?

– Ну? – произнес Артем.

– Из УВД, да?

– И что дальше?

– Поговорить надо. Выйди, а?

– Без подлянки? – напрямую спросил Артем. – Если что, я очень нервный, когда в армии служил, меня люком в танке ударило прямо по голове.

– Не-не-не! – заверил гопник почему-то с испугом.

Артем отстегнул ремень безопасности, открыл дверцу, но прежде чем выйти, дотронулся до щеки Софии и подмигнул:

– Не бойся, ладно? Вовик скоро будет здесь.

Далеко он не пошел, хотя, судя по жестам лысого в белом костюме, его приглашали в иномарку, нет, Артем оперся пятой точкой о капот своего авто и скрестил руки на груди. София не сводила с них глаз, но ничего не слышала...

– В машину не пойду, – категорично заявил он. – Говори здесь.

– У нас два трупа. (Многообещающее начало!) Ночью кто-то прикончил любимую племянницу хозяина, наследницу. И ее парня. Хозяину сказали, ты ас, можешь быстро найти... ну, того... Он это... приглашает тебя приехать. Ему очень нужно. Срочно. Он человек щедрый... Ты ж все равно по этой части...

– Хозяин Бубнов? – уточнил Артем.

– Угу. Мы не сообщали никому, решили сразу к тебе... Поехали, а?

– Ладно. А на хрена помпезный эскорт? Проще нельзя было?

Артем подбородком указал на «гелик» за его автомобилем, но гопник тупо мигал веками, не понимая, что именно не нравится Курасову. Стильный костюмчик надел, а мозг положить в черепную коробку не удосужился, однако подобным экземплярам следует напомнить и о перспективах на будущее, если...

– Если заманиваешь в ловушку, – сказал Артем, – имей в виду: номера ваших тачек я сообщил в управу. Ты все понял?

– Не-не! Мы ж по-честному. Я спереди поеду, а ты за мной.

– Спереди? Можно и просто впереди, – усмехнулся Артем и, несколько успокоившись, забрался в машину, спросив у Софии: – Все хорошо?

– Конечно. Зачем нас преследовали?

– В деревню отправимся позже, а сейчас... служба. – Он вынул из кармана трубку и положил на липучку напротив руля. – Алло, Вовка, ты все слышал?

– Слышал, но плохо. Мы уже близко.

– Пока лучше не показывайтесь. Мы едем к Ираку, адрес ты, надеюсь, знаешь. Снова позвоню, когда подъеду, а то боюсь труба сядет.

Артем следовал за белой иномаркой, одновременно пересказывая Софии диалог с гопником, который так и не догадался назвать своего имени. Потом позвонил маме и предупредил, что приедут позже. Настроение, безусловно, у Софии немного подпортилось, так ведь подобные сюрпризы с преследователями негативно сказываются на состоянии. Но у нее есть лекарство от стрессов – она переключилась на вторую профессию (теперь уже точно профессию, написала-то четыре детектива) и через некоторое время задумчиво вымолвила:

– Наследники... А знаешь, это прекрасная тема. Вечная.

– Что ты сказала? – спросил Артем.

– Я, кажется, нашла тему для нового романа – наследники. Кстати, папа как-то рассказывал любопытный сюжет.

– По-моему, тема заезженная.

– Хм! – обиделась София. – Ты сомневаешься во мне?

– Боже упаси! – воскликнул он, ухмыльнувшись.

– Нет, ты полагаешь, я пойду банальным путем? – завелась София. – Это в современной реальности сплошная банальщина, и, как правило, она повторяется, потому что твои преступники, в отличие от моих, не имеют фантазии и ума. А у меня девятнадцатый век, романтический флер, загадочные персонажи, мистика и реалии! Разницу улавливаешь?

– Улавливаю, улавливаю, – заверил он. – София, радость моя, тебе нервничать нельзя.

– Спорим, я напишу роман...

– Я заранее согласен проиграть спор, только успокойся. Мы подъезжаем. Я пойду в дом, а ты жди в машине. В случае чего – звони Вовке на вторую мобилу, он уже где-то здесь. Я пошел.

Артем припарковался рядом с белой автомашиной, ободряюще кивнул Софии и, хлопнув дверцу, скрылся за воротами, украшенными ажурной ковкой. Район престижный, здесь одни ворота стоят примерно как трехкомнатная квартира, двухэтажный дом считается сараюшкой, а не имеет охрану и слуг – как вообще такое возможно! Так и живут лучшие люди города, а некоторые из «худших» время от времени расследуют их разборки и собирают их же трупы.

Ступив на территорию Ирака, Артем осмотрелся. Участок большой, разделен на зоны – тут явно поработал ландшафтный дизайнер: клумбы, водоем с альпийскими горками, сад, за домом росли елки-сосны. Сам дом, напоминающий боярский терем с резными наличниками, что претенциозно и непривычно, высился посередине участка, к нему вела мозаичная дорожка. Гопник предложил пройти в дом, за ними следовали еще три парня в черной одежде – банальная униформа охраны, а выглядит весь кортеж маскарадом. Однако вкусы...

Едва Артем вошел в бежевую гостиную, взгляд его сразу уперся в Ирака. В простом льняном костюме голубоватого оттенка с цветным платком на шее бывший вор (хотя бывших воров не бывает, по мнению Артема) сидел в огромном кресле, опустив глаза, опираясь на трость обеими руками и положив на них острый подбородок. Гость, которого пригласили столь странным образом, остановился на пороге, а хозяин поднял на него глаза и замер, оценивая.

М-да, Ирак-Батон с болезненной худобой, с густой шевелюрой седых волос, с люто-голубыми глазами, мясистым носом, впалыми щеками и прямой линией рта не производил впечатления больного. Да, у него впалые щеки, кожа, напоминающая неглаженное белье и землистого цвета, но при всем стариковском наборе он не смотрелся развалиной. Ирак давно отошел от дел, сидит себе в загородном доме на тысяче квадратных метров и в ус не дует. Из человеческих радостей у него осталось: три собаки, охота с рыбалкой и телик. Пьет Ирак редко, не курит из-за эмфиземы, не ест всласть из-за проблем с желудком, по этой же причине не путешествует, ведь соблазн велик – попробовать заморских яств, баб не шупает из-за возраста. Короче, пенсионер и затворник, а было время... Но кто об этом помнит? Зоркое око Артема заметило капли на ресницах Ирака и даже мокрые пятна под глазами – то ли не успел их вытереть, то ли забылся и пролил скупые мужские слезы. Оказывается, легендарный вор умеет плакать, значит, и ему бывает больно...

В то же время София, подложив под спину маленькую подушку, взяла банан – пора было подкрепиться, обед-то теперь будет нескоро. Устроившись поудобней, она ела, уткнувшись в планшет на коленях, ее интересовала информация о наследственном праве в девятнадцатом веке, возможно, это и не пригодится, но материалов много не бывает. А в голове уже формировался...

Новый роман о Марго

– Умер! Умер! – словно с десятков змей зашипело на все лады.

То не змеи прошипели зловещий приговор, то любимые родственники новопреставленного устроили перекличку. Заветное и долгожданное слово «умер» прозвучало достаточно явственно, чтобы его не услышать даже мертвому, оно вырвалось из уст невзначай, словно чахлая птичка радостно чирикнула, вылетая из клетки. И тут же родственники переглянулись, дескать, кто посмел счастливым шипением возвестить о безвременной кончине Гаврилы Платоновича?! Но блеск в глазах... Но свет в них же... Нет-нет! Рано радоваться!

И страдальческие рожи одновременно склонились над телом князя, желая удостовериться, что долгожданный час пробил. Не дышали. Боялись ошибиться. А то ведь и так случается: покойник вовсе не покойник, всего-то забылся сном праведным. Но вот толпа у смертного одра вскинула друг на друга очи, в которых без труда читалось: все-таки умер!

Наконец-то! О счастье, о радость! Но только все они разом набрали в грудь воздуха, чтобы выдохнуть из себя многолетние мытарства в доме покойного, месяцы мечтаний о его смерти, унижения и прочие неприятности, как вдруг...

С постели медленно поднялась рука новопреставленного! Будто тот хотел уцепиться за ускользающую жизнь, внезапно растопыренные пальцы сложились в большущий кукиш. Ручка-то у него ого-го! Как и сам князюшка. Кукиш получился весьма солидный, легко пролетел в воздухе полукругом, чуть ли не касаясь носов любимых родственничков, чтобы каждый

(!) увидел его. А то и понюхал, чем пахнут надежды. Также неожиданно, как поднялась, рука князя безвольно упала на кровать. Он снова замер. Точь-в-точь мертвец. Так умер или нет?

Родственники в замешательстве выпрямились, наконец-то бесшумно выдохнули, но не радость по поводу кончины, а разочарование выдохнули. Стало быть, его светлость живехонек, слышал шепоток «умер» и, судя по кукишу, помирать отказывался. А так чудненько замер, уж и не дышал! Но на смертном одре князь Гаврила Платонович кукишем дал понять: не дождетесь.

Печально. Весьма печально. Однако какой конфуз! Какое оскорбление – фи́га под нос! Это ж выходит, его светлость уличил ближайших родственников в коварных помыслах. А ежели у него хватит сил переписать завещание? Эдакий разворот хуже конца света.

Они переглядывались и с пониманием кивали, ободряя друг друга, мол, хоть и не умер ненаглядный князюшка, но умишком тронулся. Все дружно собрались почтить его своим присутствием при переходе в иной мир, а он кукишем размахивает! Да-с, из ума выжил-с. Знать, помрет все одно скоро.

А князь Гаврила Платонович, лежа на огромной кровати под балдахином, с грустью про себя рассуждал: вот ради чего он прожил длинную жизнь? Ради чего кормил, поил, в платье дорогое рядил всю эту стаю, которая ждет не дождетсЯ, когда он окочурится? Так и хотелось разогнать племянников с племянницей, а также двух овдовевших троюродных сестриц с отпрысками-бездельниками, и тетушку, и двоюродную сестрицу Натали, которая младше Гаврилы Платоновича на пятнадцать лет, ее дочь (старую деву) и сына – не пришей кобыле хвост, что означает – дурак. Каждый из них мечтал получить наследство, оттого потчевали князя лестью и ложью наперебой, оговаривая друг друга, чтобы стоять в завещательном списке первыми. Думали, старый князь глуп и на лесть падок. Куда б их, нахлебников, теперь деть? Кому оставить состояние? Ведь перебыют друг дружку, коль завещания не найдут, растащат по кускам то, что преумножалось предками и им самим веками.

Почувствовав острую необходимость остаться одному, Гаврила Платонович нарочито громко захрапел, причем захрапел, как вполне здоровый человек, но никак не умирающий.

– Спит... Спит... – снова зашипели наследники.

Клубок змей тихо, бесшумно расползлся по сторонам, вскоре все твари до одной выскользнули из спальни, а Гаврила Платонович открыл глаза, повернулся на бок и снова задумался...

* * *

Очаровательная молодая дама Маргарита Аристарховна Ростовцева с постели поднялась рано: в десятом часу. О, это хмурое утро... Оно внедрилось в мозг, давило на виски, навевало грусть с тоской. Графиня прошла к окну, отодвинула занавеску и недовольно опустила уголки губ. Январь наступил, пасмурно, наверно, снова пойдет снег. Опять снег, опять мороз... Миниатюрной и прехорошенькой Марго с удивительно живым и притягательным лицом стало скучно, очень-очень скучно. Просто некуда себя деть – вот досада!

– Ммм! – протяжно вздохнула она. – Чертовски надоела зима... и постная еда... и постные лица... О! А кто это к нам?

У парадного остановилась карета на полозьях, стало быть, кто-то с визитом пожаловал, странно, потому что сегодня не визитный день. Увидев княжну Дубровину, особу малопрятную, Марго поспешила вниз, понимая, что у той срочное дело, ибо дружбы между ними не водилось, чтобы вот так запросто приезжать. Едва она ступила на лестницу, а с докладом уж лакей спешил, держа маленький поднос для визиток:

– Ваше сиятельство, к вам пожаловали-с...

– Знаю, – перебила Марго, – в окно вида́ла. Проси.

Марго приняла княжну в белой гостиной, а не в будуаре, дав понять, что на светскую длинную болтовню не настроена, тем не менее готова выслушать. Из вежливости, как гостеприимная хозяйка, предложила испить чаю. Княжна... М-да, до чего ж неудачное творение Господа – княжна Татьяна, она напоминала растение, которое постоянно забывали полить, оттого оно выросло чахлым и ядовитым. Замужем не была, а ей уж лет тридцать, да теперь никто и не возьмет за себя – кому нужна столь непривлекательная, с вечным выражением обиды на невыразительном лице старая дева? Впрочем, она тщательно скрывала возраст, полагая, что кругом одни слепые и жаждут обмануться. Итак, княжна, усевшись на канапе с выпрямленной спиной и вытянутой шеей, словно ее некто невидимый придерживал за макушку, от чая отреклась:

– Не извольте беспокоиться, Маргарита Аристарховна, я ненадолго. Князь Гаврила Платонович послал за вами, просил приехать к нему немедленно!

Странно, что князь не прислал письма с лакеем Карпом – его любимцем, а послал родственницу, подумала про себя Марго, вслух осведомилась:

– А что такое? Отчего эдакая срочность?

– Князь... – Княжна поднесла к глазам белоснежный платочек с широкой полоской кружев по краям, трагически вымолвив дрогнувшим голосом: – Умирает.

– Крестный умирает?! – ахнула Марго.

Трудно поверить, что князь, обладающий невероятной силой и крепостью, весельчак и обжора, отсюда за глаза прозвали его Гаргантюа, как персонаж романа Рабле, умирает. На осенней охоте он гнул двумя пальцами медные пятаки, скакал на лошади наперегонки с Марго, плясал на балах, ел за четверых, а ему без малого шестьдесят восемь – с чего бы князю помирать?

– На ладан дышит, – тем временем убеждала княжна. – Он уж тому недели две не встает с постели, ничего не ест. Поторопитесь, Маргарита Аристарховна, ваше свидание с князем может оказаться последним.

Марго позвала горничную, переделалась и поспешила к крестному.

* * *

– Мамаша! – вваливаясь в дом, крикнул Прохор.

В руках держал он свою шубу медвежью, сам был в одной рубашке – это в мороз-то! Завидев прислужницу Ньюшку, некрасивую и глупую девчонку, чистившую сапог, рявкнул:

– Где мамаша?

– Чай пьют, – пискнула та.

– Чего стоишь, дура? Зови!

Девчонка не успела кинуться исполнять приказание, как дверь, ведущая в комнаты, распахнулась, в проеме обозначилась дородная фигура Гликерии Сазоновны, вышедшей на шум. Женщина она тихая и набожная, боявшаяся всего на свете, особенно мужа, мамаша, всплеснув пухлыми руками, ахнула:

– Господи, Прошенька! Ты ж далече должён быть. А отчего без шубы?

– Мамаша, куда мне ее положить?

– Кого, Прошенька?

– Барышню, – потряс шубой сын.

Только после его слов Гликерия Сазоновна заметила в руках сына нечто тяжелое, правда, барышню не рассмотрела, но растерянно указала:

– Может... в горницу?

Уж и дом новый выстроили по господскому образцу, а она все – горница да горница. Ко всему прочему в наряды барские не рядится, у нее все по-простому: юбку да кофту навыпуск наденет, сверху кацавейку, шальку на плечи приладит, ну и – чепец на голову с рюшами.

Скромна матушка и неприхотлива, уступчива, едва Прохор решительно двинул на нее, она отступила, давая сыну дорогу. Еще ничего не понимая, мамаша засеменила за ним, да так и замерла, когда сын уложил шубу на кресло, раскрыл ее, а там... молоденькая девица в скромном шерстяном светло-коричневом платье, на белом воротничке пятна алеи, полбровые волосы рассыпаны по плечам и спутались у локтей. Более ничего на ней не было – ни шубки, ни шляпки, ни шальки. И как будто спала барышня, что обеспокоило Гликерию Сазоновну: а спит ли она, а не померла ли? А Прохор стал на колени и отогревал дыханием безвольные руки барышни, между делом расшнуровывая ботиночки. Разве ж можно парню снимать ботиночки с девки? Срамота!

– Где ж взял-то ты ее? – робко спросила мать.

– Нашел.

– Это как же? – вытаращила малюсенькие глазенки мамаша.

– А так. Выехали за город, кучер заметил у дороги коричный тюк, подъехали ближе, а это она лежит, на голове рана, кровь замерзла. Гляжу – дышит малость! Ну, я в шубу ее завернул, в сани отнес и домой приказал ехать. Не бросать же на дороге барышню.

– Так ты по морозу без шубы ехал?! – всплеснула руками мамаша, заголосив и ладонями за щеки взявшись. – Захвораешь, Прошенька! Ты чаю испей с малинкой да медом, я прикажу подать.

– Напрасно беспокоитесь, мамаша, ничего мне не сделается, – отмахнулся Прохор. – Здоровей буду.

Да, здоровьем Бог не обделил сына, а уж как хорош собою Прошенька – не рассказать. Недаром девки ума лишаются (да и чести тоже), когда он их в оборот берет, из-за чего скандалов случалось немало, ведь жениться сын отказывался. Мамаша всегда принимала сторону сына. Да, всегда! Считая так: плохо девок воспитали, раз чести не уберегли! Такая жена доброй не будет, на чужих мужчин заглядываться станет, но не это тревожило ее нынче, а неизвестная девица.

– Помилуй, Прошенька, не мертва ли она? – обомлела Гликерия Сазоновна, подойдя ближе. – Вона какая бледная. Ты зачем в дом мертвую привез?

– Да нет же, мамаша, жива она, жива. Только б не обморозилась, однако снегом я растер ее... Вы прикажите баню истопить, согреть ее надобно.

– Нюшка! – позвала Гликерия Сазоновна. На зов прибежала девчонка, которую Прохор встретил в доме первой. – Баню топи. Живо! Ох-хо-хо... Девица ента, что же, так вот без одежи и лежала на снегу?

– Ага. – Прохор согревал ладонями узкие ступни девушки. – И кровь у нее на голове была... Я отер шарфом, чтоб шубу не испачкать.

– Да что ж она делала за городом одна?

– То и мне показалось необычным. Видать, ударили по голове ее, полагаю, грабители, раз теплых одежек на ней нету. По следу я понял, ползла долгонько, оттого и не замерзла до смерти. А гляньте, мамаша, хороша-то как, точно ангел.

Мамаша плечиками пожала, выражая... да ничего не выражая, одну только потерянность. Оно-то так, девица наружностью весьма недурна: личико точеное, нежное, бровки дугой, носик махонький, губы – что лепестки розы, станом тонка, ручки беленькие с тоненькими пальчиками... Вовсе не рабочие ручки. Мамаша враз определила: девица мещанского происхождения, а это люди с незавидной долей, в нищете прозябающие. Сыновей своих мещане стараются отдать на военную службу, коль повезет, только там можно сделать карьеру, а дочерей – куда придется: в белошвейки, горничные, содержанки, в лучшем случае – замуж за состоятельного старика. Не жаловала мещанское сословие Гликерия Сазоновна, бедность – это нехорошо, бедные люди на всякие подлости с хитростями способны. Глядя, как сын хлопочет над юной деви-

цей, а также зная, что он до юбок охоч – ни одной не пропустит, – она заворчала, кутаясь в шаль, хоть и натоплено в доме:

– Да чего ж хорошего-то в ней? Худа, бледна, видать, недоедала. – Тем временем девушка застонала, но глаз не открыла, лишь перекатила головку набок. – Ой, Прошенька, не знаешь, кто она да откудова, а в дом принес. Кабы б беды от нее нам не стало...

– Будет вам, мамаша, – отмахнулся сын и легко поднял бесчувственное тело на руки. – Отнесу-ка я в баню ее, там и обожду, когда натопится. Ей постепенное тепло надобно.

– Бог с тобой, Прохор! – замахала мать руками. Разврата только и не хватало прямо в доме. – Ты никак надумал мыться с нею? Не допущу!

– Да согреть хочу, а не мыться... – начал было оправдываться он.

– Ладно, неси, но греть я сама буду! Иначе повезешь в приют аль в больницу для бездомных, – твердо поставила она условие.

И аж испугалась твердости своей, ведь ни разу до сего дня сыновей строгостью не охлаждала.

– Да какая ж она бездомная, мамаша? Бездомные одеты иначе...

– Я свое слово сказала! Неси!

Прохор отнес девицу в предбанник, где было тепло и держался терпкий травяной дух, уложил на лавку. Вскоре пришла мамаша с Нюшкой, выдворили его и начали раздевать безвольную девицу. А платье-то на ней с виду вроде скромное, но из ткани весьма дорогой, в тканях-то мамаша толк знала, чай, из купеческого сословия сама и супруг. Да и под платьем исподняя одежда не всем дворянам по карману, не говоря о мещанах. Кто же барышня? В сознание она не пришла, хотя и в парной лежала, и прохладной водой ее окатили из ушата.

– Вот напасть так напасть, – сетовала Гликерия Сазоновна, вытирая насухо полотном нагое тело девушки. – Ну как помрет, чего делать будем? Чего полиции скажем? Кто она, откудова, где родители ее? Ни имени, ничего не знам.

Натянули на барышню полотняную рубаху, закутали в шали, Нюшка позвала Прохора, чтобы снес девицу в свободную комнату на кровать. К тому времени домой пришел сын Федор и немало изумился:

– Прохор, ты кого несешь?

– Да так... дивчину нашел. Без памяти она.

– Ух, ты! – рассмеялся младший брат, следуя за Прохором. – Везет тебе на девиц. А ей не повезло – таково мое мнение.

– Не болтай, – бросил Прохор через плечо.

– А как же твоя поездка?

– Обождет.

– Тебе б только батюшку сердить...

Остановиваясь, Прохор одновременно развернулся к брату, строго рявкнув:

– Федька, не зли меня! Открой лучше дверь.

Ухмыляясь, младший брат неторопливо обошел старшего, распахнул перед ним дверь и, придерживая ее рукой, сделал шаг в сторону, освободив дорогу. Прохор положил девушку на кровать, раскутал и накрыл одеялом по самый подбородок. К вечеру у нее начался жар, в бреду она говорила, но непонятно:

– В чем же вина моя, скажите?... Простите, простите... Не надо!.. Господи, отчего они так злы?... Как страшно... Помогите!..

Чувствуя ответственность перед семьей, Прохор не отходил от кровати, вслушивался в слова, стараясь найти в них связь. Гликерия Сазоновна приносила лечебное питье и лично поила больную, тихонько причитая:

– Огнем горит вся, видать, простыла. Не жилица она, ох, не жилица...

– Будет вам, мамаша, – урезонивал ее сын. – Надобно доктора позвать.

– Коль разрешение на то получишь от папаши, то всенепременно.

– А как без него поеду за доктором?

– Дождись батюшку, – попросила мать со слезой в голосе. – Хм, про какую такую вину она бормочет?

Сын оставил мамашу без ответа. Недовольства она не скрывала, одновременно боялась, что в доме из-за девицы возникнет раздор, ведь Аким Харитонович нравом крут, строг, не терпел вольностей. А тут старший сын подобрал девицу в чистом поле, нет бы – отвезти ее, куда положено, так он домой сподобился привезти! Эдак их уважаемый купеческий дом в ночь превратит, подбирая людей без роду без племени. В том, что девица безродная, Гликерия Сазоновна не сомневалась, иначе не очутилась бы с разбитой головой за городом. Что она там делала? А откуда одежда на ней не грошовая? Вдруг девка содержанка? И сынок на себя не похож: в сестры милосердия записался! Полотенце в уксусном растворе смачивал, ко лбу и вискам девицы прикладывал, ручки пота сухим полотном промокал, а как требовалось поменять намокшую простыню с наволокой, на руки брал девицу и держал. Мать не понимала...

Аким Харитонович пожаловал точно к ужину, работал он много и сыновей приучал к труду. Прохор спустился в столовую, понял, что отец уже все знает, потому сразу, рискуя впасть в немилость, сказал:

– За доктором надобно съездить.

– Поезжай, – сухо разрешил отец.

Прохор хорошо его изучил: глаз не поднял, стало быть, не желал, чтобы старшенький узрел гнев в его очах. Однако разрешение ничего не означало, вероятно, буря ждала впереди, коль судить по суровому лицу отца. Аким Харитонович производил впечатление аскета – не в меру худ, со впалыми щеками, заросшими заостренной книзу бородой, с глубоко запавшими глазами, отчего лицо казалось длинным и немного изможденным. Он скуп на слова, не суетлив, внушал семейству трепет. Только не Прохору, который достиг того возраста, когда родителей – святая святых – перестают бояться, тем не менее уважают, потому нечасто осмеливаются перечить им. Но уж если родитель переступит грань, перечат, и еще как. Когда б у Акима Харитоновича была уверенность, что найденная девица не помрет, не дал бы разрешения на доктора. Но, может быть, он заметил в лице сына готовность идти наперекор отцу, посему надумал промолчать пока, ибо спровоцированная непокорность дорого обходится – рушатся устои.

Идя к выходу, Прохор чувствовал впечатанный в его спину взгляд отца, не укоряющий, а изучающий, что, по всей вероятности, и оттянуло бурю. Он оделся, поскольку приказал запрячь лошадей много раньше, запрыгнул в сани, едва выбежав из дома, и взял кнут...

2

Неприличное предложение

Бубнов изучал Артема внимательно, с заинтересованностью, которую не выпячивал, но она подразумевалась, ибо паузу завесил он весомую. Бывший вор не шелохнулся ни разу и был похож на застывшую игуану – всю в складках, немигающую, будто вынырнувшую из доисторических времен, чтобы посмотреть, как устроен мир будущего, а он неузнаваем и чужой. Глаза Бубна огромные и круглые на безжизненно-сером лице, но, как странно, не было в них эмоций – ни одной, даже удивления. Скорей всего, находился он в некотором замешательстве, а через минуту Артем понял, что его не устраивало, но сначала услышал вопрос:

– Майор?

– Он самый, – ответил гость.

– Ты молод для майора. И для начальника молод.

Вот оно что! Действительно, ему всего тридцать один год и вдруг – майор. Но есть еще такое понятие, как внеочередное звание, его дают не за выслугу, а за работу, риск, ум, навыки. Вор-то, хоть и бывший, должен об этом знать.

– Мне уйти? – равнодушно бросил Артем.

Фамилию Бубнов взял матушкину, а числился всю жизнь грузином, отсюда, наверное, и проскальзывал изредка легкий акцент, позаимствованный у папеньки, но придающий шарм этому, в общем-то, яркому человеку. Всем бывшим Артем не верил ни на йоту, они же прирожденные артисты – снимай кино, не ошибешься, и акцент считывал как дешевую рисовку, что, скорей всего, так и было. Кажется, Ирака не устраивал майор еще по каким-то причинам, а не только молодостью не глянулся, в его интонации послышалось некоторое сожаление:

– Я верю рекомендациям.

– Весьма польщен, – держался холодно гость.

Папаша Ирак выдержал добавочную паузу, во время оной Артем уже хотел попрощаться, удержало любопытство: его выловили на дороге, где-то есть два трупа, но компашка во главе с Ираком не связалась с полицией – почему? Неужто остался священный трепет перед правоохранительными органами, включая их кабинеты? А может, вор боится, что трупы на него повесят? Тут вариантов много.

– Присаживайся, – наконец вымолвил хозяин.

– Может, лучше сразу к делу? – не двинулся с места Артем.

– Вначале договоримся.

Пришлось Артему плюхнуться в кресло почти напротив, иначе игуана паузами замучит; после минутного молчания Ирак все же начал говорить о деле:

– Утром мне позвонили и сказали, что Лала застрелена в своей комнате. Я хочу, чтобы ты поймал этого человека. Быстро поймал.

– Ну, вообще-то, уголовный розыск держит на контроле все дела по убийствам, по ним ведь работают наши оперативники. Так зачем же было устраивать на меня облаву?

– Мне нужно, чтоб ты тихо искал убийцу. Без огласки.

– То есть... никто не должен знать о расследовании, так?

– Ты правильно понял.

Теперь Артему понадобилась пауза, он откинулся на спинку кресла и обвел глазами... пожалуй, антикварную лавку в бежевых тонах с яркими цветовыми вкраплениями. Чего тут только нет: Запад перемешан с Востоком без какого бы то ни было стиля, впрочем, красота сама создает стиль. Жилье – зеркало хозяина, а Бубнову при его богатстве чего-то не хватает, поэтому обложился натурой центральной (ценными вещами на их жаргоне), а может, эта натура

вообще темная (краденая). Кстати, о хозяине шедевров: в принципе Бубнова понять можно, абсолютно всем хочется только денег, а известность далеко не каждому в кайф. Некоторые мечтают залезть под золотую корягу и оттуда иногда выглядывать, как сделал Ирак в настоящем. Однако прошлое его догоняет, по всей видимости. Но даже ворье, когда обстоятельства прижимают, обращается в полицию – вот такая ирония судьбы, значит, и диалог с ним вести надо на понятном им языке.

– Вот ты, папаша, вроде образованный... (Образованный вор на жаргоне – опытный, Артем намеренно намекнул, что в курсе наследственного призвания Ирака.) Понимаю, сейчас трудно думать о практической стороне, но я обязан напомнить о некоторых моментах. Итак, если я буду искать «тихо»... как ты собираешься хоронить Лалу без свидетельства о смерти? Тайком? Это уже неправомерные действия, обязательно кто-нибудь стукнет, и тогда убийство повесят на тебя. Ну, сам подумай: кому выгодно скрыть не просто смерть, а убийство? (Про себя отметил, что данная мысль может быть и первой версией.) Нет-нет, не верю, что закопаешь родную племянницу как собаку. Значит, должен понимать: условие без огласки невыполнимо.

Казалось, Ирак не столько слушал, сколько пытался проникнуть своими голубыми, не потерявшими сочный колер глазами внутрь гостя – в его мозг, его мысли, его душу. А может, у старого вора было еще и желание посмотреть, как устроены внутренности майора? Люди подобный взгляд называют тяжелым, только Артема смутить не смог бы сам василиск на пару с горгоной Медузой, потому он тоже беззастенчиво вперился в хозяина, пока тот не произнес медленно ровным голосом:

– Я не о той огласке сказал.

– Не о той? В смысле?

– Лала была девушкой... незамужней, – нахмурившись, произнес Ирак, что стало первой его реакцией, а то на высушенную мумию был похож. – С ней... ну, там... молодой человек, его тоже шлепнули. Коротко говоря, обстоятельства нехорошие, газетчики начнут трепать ее имя... да и мое... я ведь известен в городе. А смерть любит тишину.

Ну и причина! Кого удивишь в наше время постельными отношениями? Как ни цинично звучит, Артем про себя посмеялся над такой щепетильностью. В бытность воровских «подвигов» Ирак, без сомнения, не мучился морально-этическими предписаниями, когда пичкал наркотой юнцов и грабил добропорядочных граждан.

– Их застрелили в постели? – уточнил Артем.

– Увидишь. И вторая серьезная причина: мать Лалы в больнице, ей сделали операцию на сердце. У меня больше никого не осталось, чтобы рисковать и ею.

На этот раз объяснение приемлемо, Артем лишь напомнил:

– Но сказать-то придется, лишать мать прощания с дочерью...

– Я не собираюсь лишать, – перебил Ирак без тени раздражения. – Валюша узнает, когда окрепнет, не ранее. До этого тело Лалы будет ждать в морге. И третья причина: тот, кто убил ребят в моем доме, рассчитывал на шумиху. Я так думаю. У меня нет желания доставить ему удовольствие.

– Ага! – подхватил Артем. – Значит, этот кто-то из твоих недругов? А кто-нибудь есть на подозрении?

– Нет, – уверенно сказал Ирак. – До твоего приезда я думал об этом, но никого не подозреваю. До похорон ты найдешь убийцу, за работу получишь миллион, но ты должен отдать его мне.

Круто. Все условия – круто. Миллион заработать – кто ж откажется? Но преступника отдать... это чересчур и типично бандитский подход в оценке человеческой жизни – какой бы пакостной она ни была. А ведь не исключено, что ныне уважаемый человек Ирак-Батоно сам явился поводом-провокатором. Но это был не последний сюрприз от перековавшегося в бизнесмена вора:

– Пока ты будешь вести поиски, твоя девушка побудет у меня, это подстегнет твои усилия. Я предоставлю ей самые лучшие условия...

– Что ты сказал?! – процедил Артем, поднявшись и по-хозяйски поставив руки на пояс.

– Два миллиона.

– Можешь не повышать ставку! – свирепо процедил Артем. Ему-то незачем держать марку невозмутимого мэна, правда, он мгновенно взял себя в руки и заговорил спокойно, хотя и зло, зато доходчиво: – Считаешь, я больной, чтобы согласиться на твой ультиматум? Моя жена на пятом месяце, каждая минута, каждый час, проведенный у тебя, ударит по ее здоровью и здоровью ребенка.

– Послушай, я...

– Нет, ты сиди там и слушай сюда. Сегодня не девятые, когда вы банковали, понял? Мы преступников ищем и год, и два, и десять лет. Ты столько собираешься держать мою семью у себя? А доживешь? Попробуй только попытаться... – Артем выставил указательный палец, – ...взять Софию в заложницы – я разнесу твой теремок по кирпичику! А тебя, папаша, с твоей бандой закрою на много-много лет, доживать будешь на зоне. Так что засунь свои миллионы... не будем уточнять – куда. Я понятно объяснил, ты все понял?

– Молодец, – вяло проговорил Ирак. – Не купился. Идем.

– Куда?

– В комнату племянницы.

– А моя жена?

– Я проверял тебя.

«Понты, кругом одни понты», – раздраженно подумал Артем, глядя, как поднимается Ирак на ноги. Он оказался довольно высоким – вровень с гостем; стоя визави, Артем все-таки заметил отпечаток боли на его лице. Боль – это такая субстанция, которую сколько ни прячь, она все равно смотрит на тебя, смотрит изнутри глазами стоящего напротив человека.

Комната Лалы находилась на четвертом уровне, до последнего лестничного пролета первым шел Ирак, но вот он остановился. Опершись одной рукой об изгиб перил, опустив голову, второй рукой указал наверх, после чего рука Бубнова безвольно повисла вдоль тела. Артем обошел его и начал подъем, но буквально через пару шагов остановился. Дверь в комнату была полуоткрыта, из-за нее выглядывала мужская рука, лежавшая на полу, и макушка со светлыми волосами.

– В комнату кто-нибудь заходил? – спросил Артем, не оборачиваясь.

– Домработница говорит, как только увидела тело парня, испугалась и не стала заходить, а сразу позвонила мне. Я приехал. И зашел. Но ничего не трогал, к Лале не подходил... и так понятно, что ей ничем нельзя помочь.

Поднявшись на небольшую площадку, Артем одним пальцем (боковой частью) приоткрыл дверь и некоторое время стоял, глядя вниз. Обнаженное тело юноши в луже крови перегородило вход, чтобы войти в комнату, нужно переступить через него. Артем не стал этого делать, сначала трупом должны заняться эксперты, но, осторожно ступая, тщательно выбирая место, чтобы не наступить на кровь, он просто заглянул в комнату девушки.

Метров сорок квадратных. Взгляд сразу уперся в кровать, стоявшую у левой стены. Постель разобрана, в беспорядке, одна подушка на полу, мужские и женские вещи разбросаны. Весело вчера проводили вечерок, об этом можно судить не только по разбросанным вещам. На ковре посреди комнаты (за столом как-то не комильфо праздновать) стояло два подноса с фруктами, конфетами, шампанским и двумя бокалами. Здесь же в беспорядке лежали диванные подушки в количестве шести штук с тиграми и леопардами.

А на кровати полусидела, опираясь спиной на подушки, обнаженная девушка лет двадцати, черненькая, худенькая, внешность на троечку с минусом. Да, Ирак прав, достаточно одного взгляда, чтобы понять: жизнь улетучилась из нее давно, хотя глаза широко распахнуты

и смотрят прямо перед собой, но это уже стеклянные глаза. Грудь в крови и в темно-бордовых запекшихся сгустках... Девчонку уложили наповал. Кровь стекла по животу и между ног на постель, заливая белую в мелкий цветочек простыню. У Артема промелькнула мысль: вряд ли при жизни ей было бы все равно, какой найдут ее после смерти, а также сколько народу будет глазеть на мертвое тело. Но сейчас ей все равно. Он вынул из нагрудного кармана телефон и, спускаясь по лестнице, сказал в трубку:

– Вовик, давай с группой ко мне, здесь двойное убийство. – Потом обратился к Ираку: – Папаша, у тебя тут, говорят, собак полно?

– Собаки охотничьи, к тому же заперты, – успокоил Ирак. – А... твой Вовик знает, куда ехать?

– Обижаешь, папаша. Мой Вовик выяснил про тебя все, как только твои олухи повисли у меня на хвосте. Он, кстати, недалеко.

Но каким образом Володя оказался недалеко, Артем не распространялся, а Ирак не удосужился расспросить, его беспокоило другое:

– Я просил сохранить расследование...

– Послушай, папаша. Ты просил найти убийцу быстро, а как искать без экспертов и сыщиков? Это только в книжках и кино один в поле воин, на деле все обстоит иначе, уж кто-кто, а ты должен знать нашу кухню. Но я обещаю, что переговорю со всеми, у нас работают нормальные ребята, они войдут в положение твоей сестры. Короче, дело долгое, я пошел за женой, а то она в машине жарится.

* * *

Начали, конечно, с загораживающего вход в комнату труп юноши, имени которого Бубнов не знал – это же друг племянницы, а друзей она меняла, к сожалению, часто. Но! Вчера в доме была вечеринка, о чем свидетельствовал бардак в гостиной на втором уровне, короче, гуляла парочка не в гордом одиночестве, а дружной компанией. Эксперт занимался трупом парня, и пока беднягу, попавшего сюда по иронии судьбы, не уберут, в комнату не войти. Дело не в этических нормах, мол, переступить через труп – ах-ах, нехорошо, просто Артем решил первым туда запустить криминалиста, чтобы тот исследовал каждый сантиметр, а пока отправил его на второй уровень заниматься вечеринкой. Он не мог скрыть недовольства, потому что не любит работать с новенькими, тем более неопытными. Ну что может знать о криминалистике человек, которому всего двадцать шесть лет, к тому же недавний выпускник? Когда поднимались наверх, он схватил Вовчика выше запястья и задержал, процедив тихо:

– Где Друбич? Ты зачем этого прихватил?

– Я, вообще-то, за тобой ехал, – оправдался рыжий и кудрявый Вовка, невинно вытаращив белесые глаза с рыжими ресницами. – Вызов делал по рации, кто дежурил – тот и приехал. Да он классный парень...

– Мне нужен ас! Мастер! А не классный парень.

– Между прочим, когда ты пришел в управу, тебе сразу доверили сложное дело, хотя ты был необстрелянным пацаном, – напомнил Вовик. – По слухам.

Нечем крыть Артему, нечем. Он попыттел-посопел и... загрузил экспертов работой, оперативников отправил помогать криминалисту – искать в духе «найдите что-нибудь». А вдруг найдут некий след или вещь, что впоследствии пригодится. Сам отправился к хозяину в антикварную гостиную, где тот восседал все в том же кресле, задумавшись или переживая смерть племянницы. Там же, на канапе в сторонке, находилась и София, уставившаяся в ноутбук, в общем, оба друг другу не мешали. Артем упал в соседнее кресло с Ираком, пора было поговорить с ним серьезно:

– Итак, Амиран Ираклиевич, у меня несколько вопросов.

Тот повернул голову к нему, затем перевел взгляд на Софию, дескать, а как же тайна следствия и все такое? Ведь майор обещал «тихо искать убийцу», в этом смысле на женщину полагаются только идиоты. Артем понял опасения Бубнова и удивил его:

– София в курсе всех наших секретов, она работает в пресс-службе и тоже начальником.

Правда, обошелся без уточнения, что в ее подчинении всего один человек – она сама, да и важно ли это? София даже головы не подняла, вероятно, переговоров не слышала – настолько была увлечена. Ирак снова повернулся к майору, но уже с готовностью отвечать. Артем подметил в нем некую странность: худые люди более подвижны, энергичны, эмоциональны, этот же субъект демонстрировал другой тип поведения – то ли заторможенность, то ли основательность, а может быть, привычную осторожность. Поскольку хозяина на момент убийства не было в доме, первый вопрос стал закономерным:

– Где ты был этой ночью?

– Артем... – подала голос София с дивана, не отрывая глаз от монитора ноутбука, значит, все слышит и, не глядя, видит! Одной артикуляцией, беззвучно произнесла короткое слово, она напомнила ему об уговоре, он, стукнув себя по лбу ладонью, улыбнулся:

– Прошу прощения! Ирак, где вы были этой ночью? – подчеркнул Артем слово «вы» и посмотрел на Софию, мол, помню о твоей просьбе.

– Да ладно, можно и на «ты», мы привыкшие, – проворчал Бубнов. – Я был в больнице. Всю ночь. В палате Валентины стоит кровать и для меня, но я не сплю, боюсь прозевать, когда ей понадобится неотложная помощь.

Ответ привлек внимание Софии, она подняла глаза и с интересом изучала Бубнова, примечательного тем, что в нем ничто не напоминало его воровскую жизнь. Он вполне симпатичен, как ей показалось, даже аристократичен, а ведь среда накладывает отпечаток на личность, впрочем, не отпечаток – клеймо.

– И все же, Ирак, – продолжал Артем, – эти убийства не могут быть приветом из вашего богатого приключениями прошлого?

– Иронизируешь? – фыркнул Бубнов.

– Нет. Логика подсказывает покопаться в делах давно минувших дней. Не может же молоденькая девочка иметь смертельного врага, как полага... ете?

– Я в завязке почти пятнадцать лет, за этот срок все приветы вернулись с кичи, а кое-кто и дубарем (покойником) успел стать.

– Значит, девочка?

– А мальчик? Который там... наверху? – предположил Ирак.

– Мальчик? – задумался Артем. – Будем проверять. Но убивать пришли в твой дом, папаша, в твой... А что за вечеринка вчера была? Кто гости?

Пожалуй, это первый раз, когда Ирак опустил глаза, ему явно стало неловко, через несколько секунд он и голову повесил, еще небольшая пауза и – нехотя ответил:

– Я не знал о вечеринке. Ни о вчерашней, ни о предыдущих.

– А были и предыдущие? – подхватил Артем, Ирак закивал. – То есть вы узнали о вечеринках в вашем доме недавно, да?

– Сегодня, – коротко сказал Бубнов.

– Интересно. Столько народу, и никто... А кто доложил?

– Домработница рассказала, что во время моего отсутствия Лала приглашала друзей. Потом я допросил повариху, она, оказывается, готовила для гостей Лалы, хотя не должна была, мы с ней оговаривали ее обязанности и время работы.

– Ладно, переговорю с ними. Еще вопрос, пока последний: камеры видеонаблюдения есть?

– Конечно. Убийца стер записи.

– Стер... Стер... – повторил Артем, словно это слово никогда не слышал и хотел понять его. – А у вас что, охраны нет?

– У таких людей, как я, есть все. Или почти все.

Бубнов снова поднял глаза на майора: видимо, несмотря на трагедию в доме, бывшего вора задело, что молодой человек низко оценил его возможности. К хвастовству реакция отношения точно не имела, это была, скорее, вырвавшаяся обида, ведь если рассудить, к своему личному «все включено» он рвал на тесемки человекообразных, кто даже случайно оказывался на его пути.

– Ну и как получилось, что охрана есть, а записи стерли?

– Допроси их сам, – ответил Ирак, – я никому не разрешил уходить. Думаю, мне не все выложили. Если я буду с тобой, начнут утаивать правду, чтоб работу не потерять. Охрана в своем кабинете – дверь рядом с парадным входом, ведет в полуподвальное помещение. Домработницу и повариху найдешь на кухне.

– Мы заберем ноутбук Лалы, нужно проверить ее почту, аккаунты.

– Забирайте.

Женщин Артем оставил на закуску. Чтобы совершить преступление и остаться невидимкой, убийце сначала следовало избавиться от всевидящего ока охранников – об этом он должен был позаботиться в первую очередь. Вот с охраны и решил начать Артем, любопытно же, каким образом удался фокус.

После его ухода стало тихо, только стук клавиатуры, которую София трогала шустрыми пальцами, напоминал, что в этой гостиной обосновались не одни музейные экспонаты. Бубнов хмурился, косясь на жену майора, наверное, ему мешал даже легкий шумок от ее ноутбука, мешал сосредоточиться на своем горе и необъяснимых смертях в его доме. Пару минут он наблюдал за Софией, делал это машинально, просто глаз остановился на ней, машинально и произнес:

– А что вы все время пишете? Неужели роман?

Он знать не знал о настоящем призвании гостьи, просто сказал, что первое в голову пришло, но, как выяснилось чуть позже, попал в десятку. На его реплику София подняла голову и улыбнулась симпатичному старичку:

– Пока только записываю сюжет.

– Сюжет? В смысле? Что за сюжет?

– Это канва – что и почему происходит в моей истории, потом по этой канве напишу книжку. Главное, не упустить все линии, которые возникли. Если отложить на потом, забудутся детали, нюансы, все это сейчас переполняет мою голову.

– Вы что... писательница?! – искренне изумился он.

– Ну... уже можно сказать, что да. Правда, у меня только четыре книжки издано, эта, надеюсь, будет пятой.

Бубнов вроде бы включился в диалог, однако говорил вяло:

– Четыре – ого! Никогда не видел живого писателя, тем более женщину-писательницу, к тому же красивую. (Ну, это он загнул, София себя красавицей не считала.) Для меня живая писательница – как оживший динозавр, честное слово. Знаете, когда закончится следствие, я расскажу вам несколько историй... м... сюжетов. Они пригодятся вам, потому что есть в них зерно, ни на что не похожее построение задачи... э... преступления.

– Буду очень признательна вам. Только мои герои живут в девятнадцатом веке, героиней я сделала мою прапрабабушку, там совсем другой мир...

– Думаете, с тех пор что-то изменилось? Ну, появились новые технологии, ими пользуются как правоохранительные органы, так и преступный мир, а суть, потребность в адреналине, вызов всему укладу и даже себе, азарт, жажда взять цель... все это неизменно для любого времени.

Его послушать – говорил о романтической, всепоглощающей страсти, но к чему! Однако старик вновь погрузился в себя, а София опустила глаза в монитор, представляя своих персонажей...

Которые оживали в ее воображении

Атмосфера в спальне князя была удручающе-мрачной: запах ладана и микстур бил в нос, шторы, не пропускающие солнечного света, свечи под образами создавали иллюзию, будто он уже преставился. Многочисленные родственники, окружившие ложе умирающего, расступились, освобождая место для графини. Сдерживая слезы, она наклонилась к Гавриле Платоновичу:

– Крестный, это я, Маргарита... – Он зашевелил губами, ей пришлось склониться ниже, чтобы разобрать слова. Выслушав, она выпрямилась и сообщила присутствующим: – Князь просит оставить нас наедине.

Родственники нехотя попятились, потом бесшумно, как тени в царстве мертвых, убралась. И вдруг его светлость открыл глаза, скосил их на дверь и довольно оживленно зашептал:

– Маргоша, проверь, не подслушивают ли аспиды.

– О-о! – выразила она степень изумления, но заскользила к двери, распахнула ее...

Какая низость! Родственники столпились у двери стайкой! Не смутились! А невинно захлопали бессовестными глазами. Но как же нелепо устроен человек – стыдно стало Марго, будто не она, а ее застали за подслушиванием. Вместе с тем, подавив негодование с презрением, она выпалила первое, что пришло в голову, надеясь, что оценят ее такт и уберутся от дверей спальни:

– Его светлость просит свежей воды и желает, чтобы нас не беспокоили. Прикажите Карпу принести воду с... он знает добавки.

Догадавшись, что здесь творится нечто невообразимое, Марго не зря затребовала Карпа – верного слугу князя, он не позволит подкрасться к спальне и подслушать. Аспиды, выражаясь языком князя, поняли, медленно отступали, поедая ее подлыми очами. Марго стало не по себе от затаенно-хищных взглядов, недобрых, коварных, беспокойных. Метаморфоза, да и только! Немногим ранее эти люди отличались друг от друга, с трудом уживались, кто-то вызывал симпатию, кто-то, напротив, антипатию, но близкая добыча сделала их единым телом, мозгом, душой, единым лицом. Со стороны Марго они почуяли опасность, жаждали знать, чем грозит ее визит, и, не сговариваясь, готовы были не просто к обороне, а к смертельной битве. Она же, набравшись храбрости (или наглости), стояла до тех пор, щуря глаза цвета весенней травы, пока родственники князя не спустились с лестницы, после этого Марго вернулась в спальню, тщательно притворив дверь. Безусловно, она растерялась, не узнавая обитателей княжеского дома, но еще больше ее поразил хозяин:

– Крестный, что это вы удумали сказать умирающим?

Тот сел и, обмахиваясь краем одеяла, тихонько рассмеялся:

– Уф, упарился. Топят, топят... жарко, будто в аду! Ты садись, Маргоша, садись, – похлопал он ладонью по кровати. – Дело у меня к тебе. Тайное!

Не заставляя уговаривать себя дважды, она присела на кровать и ждала разъяснений странному поведению родственников, а также самого князя, хотя терпеливой ее никак нельзя назвать. Любопытная Марго всегда в авангарде событий, даже собственных мыслей, но все, что она увидела в доме за несколько минут, несказанно шокировало ее.

Когда князь готов был поделиться тайнами, в спальню ворвался Карп с графином воды и бокалом. Несмотря на почтенный возраст, старого слугу отличали редкая подвижность, предупредительность, а также преданность – ценнейшее качество на все времена. Его рот был постоянно растянут в улыбке до ушей, как у лягушки, а глаза прищурены, как у лиса. Карп

поставил поднос на столик с многочисленными микстурами, поклонился Марго и расстегнул щегольской сюртук с чужого плеча:

– Прошу прощения, ваше сиятельство, но их светлость наисветлейший князь, почитай, с ночи не кушали-с, я тут принес малость... – Из-за пазухи он вытащил подобие торбы, оттуда достал салфетку и расстелил на коленях князя, на нее укладывал снедь. – Пожалте, ваша светлость, расстегайчики с рыбкой... Кусочек гуся... Блинчики с грибами... Коржики!

– А запить? – поднял на него жалостливые глаза князь.

Лягушачий рот Карпа еще больше растянулся в стороны. Он налил в бокал из графина воды, подал князю. Тот сначала перекрестился, залпом выпил, вытянул губы трубочкой и выдохнул, глаза его заметно повеселели.

– С анисовыми семечками, – шепнул Карп, – померанцевыми орешками и мятой настаивалась. Чтоб запаху не унюхали. Моя старая варила. Ну, как?

– Крепка, – похвалил князь, закусывая свернутым блинчиком.

– Так-ить три перегонки! – горделиво поведал Карп.

– Маргоша, хочешь? – указал глазами на графин князь.

– Водку?! – фыркнула она. – Увольте!

– Ну, расстегай попробуй и блины.

– Моя старая редкая повариха, – похвастал Карп.

– Вообще-то, нынче пост... – напомнила Марго.

– А болящим послабление, – нашелся Карп.

– Крестный! – воскликнула Марго. – Что здесь происходит?

– Тише ты, а то услышат! – шикнул Гаврила Платонович.

Дожевывая блин, он впал в задумчивость, через паузу, глядя широко раскрытыми глазами куда-то далеко, произнес с горечью:

– Курай издох.

Курай – любимая собака князя, английский сеттер. Курая он держал в доме, кормил со стола, по мнению Марго, пес был до крайности невоспитанным, строптивым и наглым, спать укладывался на кровать князя – куда это годится?

– Из-за смерти Курая вы заболели? – осведомилась Марго.

– Я болен? – хмыкнул князь. – Карп, налей-ка мне еще чуток. – Он осушил половину бокала, отчего Марго поморщилась, и сказал, закусывая пирогом: – С моей тарелки Курай поел и подох, враз подох. Понимаешь?

– То бишь вы подозреваете, Курая отравили?

– Экая ты непонятливая! Травили не собаку, а меня!

– Бог с вами! – всплеснула руками Марго. Однако графиня далеко не экзальтированная особа, в себя пришла быстро. – Отравитель в вашем доме? Это невозможно. Произошло неудачное стечение обстоятельств, а вам показалось...

– Позвольте-с мне, ваше сиятельство-с, – нетерпеливо потирая кончики пальцев, перебил Карп.

Случалось, он вел себя несносно, чуть ли не на равных, а Карп слуга, лакей. Марго не сделала ему замечания, это обязанность князя, который излишне либерален к любимчикам, ей же осталось разрешить ему говорить кивком головы.

– Их светлость захотели-с покушать, а было сие часу в двенадцатом ночи. Я сходил в кухню, уложил на тарелочку отварного мяса... говядинку-с, кулебяку... три кусочка-с, осетринки нарезал, окорока, ну и огурчиков солененьких...

– Карп, аппетиты крестного мне известны, будь добр, покороче.

– Морсу налил, стало быть, – все же закончил перечислять тот, – и снес в кабинет. Они-с там подсчеты вели хозяйственным расходам. Поставил подносик, а Гаврила Платоныч взяли кусочек говядинки... величиной с ладошку и кинули Кураю. Тот проглотил разом, а князь

Гаврила Платоныч пили морс в то время. Вдруг Курай будто подавился! Стоит эдак на четырех лапах, голову свесил вниз и срыгнуть тужится. Нас беспокойство взяло, мясо-то без костей, а пес навроде подавился. Мы к нему, гладим, водички даем. Он полакал... опосля повалился на пол, из пасти пена полилась, полчаса спустя издох в нечеловеческих мучениях.

И прослезился. Марго некоторое время думала, но недолго:

– Стало быть, вы полагаете, мясо было отравлено? Как же пес не учуял отраву? Собаки весьма чувствительны.

– Так он на лету кусочек подхватил и проглотил, – сказал Карп. – Не понюхав и не пожевав.

– Крестный, а как часто вы ужинаете столь поздно?

– Да почитай всякий день, – снова вместо князя ответил Карп. – Они-с редко ложатся натошак.

– Но почему же в морс не подмешали яду? – недоумевала Марго. – Эдак-то проще... отравить.

– А морс, ваше сиятельство, моя старуха приготовила, сама же и принесла, зная, что их светлости пить захочется. А остатнюю еду я взял с кухни-с. Но вот какая любопытность: мяса опосля я не нашел, а большущий кус был, ей-ей. Сие значит, что забрали его опосля того, как я к их светлости ушел с харчами.

Марго вздохнула, не находя слов. Выходит, кто-то из родственников подлый отравитель? А ведь ни у кого из них нет собственного состояния, все на иждивении князя. И второе: кто-то знал, что по ночам лакей кормит хозяина, подсунул отравленное мясо, но дело не вышло – сдох Курай. А кусок-то от мяса отрезан, несложно просчитать отравителю, что собака сдохла, съев мясо. Это опасно для обоих, если все так, как они оба представили.

– С тех самых пор я и стал умирать, – признался с грустью Гаврила Платонович. – Дабы коварный злодей подумал, будто от отравы.

– Именно-с! – подхватил Карп. – Мы как решили: у его светлости здоровья на десятерых хватит, то всякий знает, значит, быстро не помрет. Погляньте на их натуру – они ж вон какие... огромные, им яду много надоть.

– Но крестного могут отравить в любой другой день, – резонно возразила Марго. – Дабы ускорить смерть.

– Никак нет-с, ваше сиятельство. Гаврила Платоныч кушают из моих рук-с, аль из рук моей старухи. Днем они не кушают, одну воду я подаю, а ночью тихонько ношу сюда харчи, чтоб сродники, – кивнул он в сторону двери, – думали, будто князь на самом деле умирает.

– Понятно, – покивала она удрученно. – Но я-то чем могу помочь?

– Однажды зашла речь о тебе с Виссарионом Фомичем Зыбиным, – оживился князь, – он весьма лестно отзывался об уме твоём и храбрости.

– Неужели? – усмехнулась она, зная на собственном опыте о несносном характере начальника следственных дел.

Марго буквально пролезла в следствие, да, пролезла и нисколько не совестилась. Жизнь ее круга скучна и нелепа, чтобы жить только ею, а у графини Ростовцевой масса сил, которые деть некуда. К тому ж она умна, отчаянна, склонна к авантюрам, потому и ринулась в следственные дела, словно заправский детектив, щекоча себе и другим нервы. Однако вначале нарвалась на упрямство Виссариона Фомича, не желавшего видеть ни одну даму рядом с собой ближе версты, но эта история заслуживает отдельных эпических сказаний.

– Истинная правда, а их высокоблагородие господин Зыбин на похвалы скуп-с, – продолжил тем временем Карп.

Зыбин скуп на похвалы? Мягко сказано! Да он во всем хорошем найдет воз изъянов, особенно что касается женщин, удел которых, по его мнению, – дом, фортепьяно и варенье, ни на что другое светская дама не годится, кроме как возглавлять варку варенья!

– Говорил, – снова взял слово князь, – ты не так давно оказала следствию неоценимую услугу, проявив способности к логике.

Марго надоели хождения вокруг да около, она спросила напрямую:

– Вы хотите, чтобы я помогла вам найти отравителя?

– Нет!

– Как так? – изумилась Марго. – А что же тогда?

Она не получила объяснений. Князь, обычно фонтанирующий энергией, соривший деньгами, как внезапно разбогатевший купец, откровенный и не всегда сдержанный в высказываниях, после ее вопроса замялся, словно ему неловко.

– Вы смущены... – осторожно произнесла Марго. – Что не так?

– У меня был сын... – сказал он, потупившись, и замолчал.

Разумеется, Марго слышала эту печальную историю, которая при князе никогда и нигде не обсуждалась, подробностей она не знала, а на слухи не полагалась, имея представление о доле выдумки в сплетнях.

– И где же ваш сын? – спросила Марго, впрочем, любопытство основная ее черта, не удовлетворив его, она не ушла бы.

– Осьмнадцать лет назад прогнал я его. – Гаврила Платонович с отчаяния стукнул кулаком по постели.

– Вы?! Добрейшей души человек, каким я вас знаю, и – прогнали единственного сына?

– Прогнал. – Голова князя упала на грудь, видно было, что гложет его случившееся. – Отрекся от него... Нет. Вначале он от меня отрекся!

Марго стало жаль крестного, он ведь хороший человек, правда, эпатажный, но это не столь большой грех. Она погладила его по руке со словами утешения:

– Полагаю, у вас была веская причина, раз вы так поступили. Что же он натворил?

– Обрюхатил гувернантку. Да то полбеда, с кем не бывает! Но жениться на что? Карп, иди-ка, погляди, коль сродники ушами к дверям припали, дай по харям.

Лакей на цыпочках, от усердия размахивая руками, подобрался к двери и резко открыл ее. Но за нею никого не обнаружил. Карп не удовлетворился пустым местом перед спальней, вышел за ее пределы, тотчас и вернулся, заверив:

– Будьте покойны, ваша светлость, никого-с.

А его светлость во время паузы почесывал затылок, обидчиво надув губы, не сразу продолжил:

– Княжеского роду, потомок Рюриков и – мамзеля полукровка в женах! Ейная мамаша-певичка прикатила из Франции за богатством! Внебрачная дочь! И сама по стопам матушки-певички пошла – легла в постель Мирона. Позор! Сладить с ним не вышло, сын упрямством своим вывел меня, я его и прогнал. Ушел он в чем был. Я надеялся – одумается и вернется, без денег-то романистике вскорости конец наступает. Но дошли слухи, будто он со своей брюхатой гувернанткой укатил в Петербург, там у него тетка по матери, к ней, как я понял, и уехал МIRON.

– Тетушка приняла его с той женщиной?

– Не ведаю! – раздраженно бросил князь. – Мы не вели переписку, поссорились еще при жизни моей супруги, сестрица ее сварливая поучать меня вздумала, дура. Позже слух прошел, будто МIRON поступил на службу и уехал на Кавказ, там завсегда беспокойно и... погиб он. В северном Табасаране, кажись.

Что творит гордыня! Марго ни за что не отказалась бы от сына Мити, какая б блажь ни пришла в его голову, отсюда не понимала князя – как можно выгнать собственного ребенка, к тому же без средств и с беременной женщиной! Разумеется, гувернантка не красит княжескую родословную, но даже ради чести не стоило лишаться единственного наследника и прямого потомства, ведь существует множество способов сохранить овец и накормить волков.

– Вот я тут лежал, – вымолвил князь тихо, – и думал: помру, а эти аспиды растащат все, что собиралось веками, и не помянут добрым словом. Яду вон подсыпали! Мне нужен наследник, продолжатель рода, кто фамилию нашу носить будет с честью.

– Но... ежели сын ваш погиб...

Марго опять не угадала.

– Не о сыне речь! – прорычал князь. – О внуке! Коль сын не удосужился прийти на поклон к отцу, то Бог ему судия на том свете. А внук... Кровь-то родная! Ему оставлю все, что имею, назло нахлебникам, кои не благодарностью переполнены за достойное содержание, а смерти моей алчут. Потому на твою помощь питаю надежду, Маргоша. Когда б кого другого позвал, мои приживалы вмиг раскусили, что затеваю супротив них заговор, а ты – моя любимица, подозрений не вызовешь. Разве только опасения, что наследницей тебя сделаю.

– Бог с вами, крестный, не внушайте им эту мысль, а то ведь и мне, не ровен час, жаркое с отравой подсунут, – рассмеялась она. – Однако, князь, ежели ребенок зачат вне брака, даже после венчания он будет незаконнорожденным, стало быть, бесправным, и не сможет стать вашим наследником. Таков закон.

– Маргоша, – ухмыльнулся тот, беря кусок гуся, – нынче не то, что встарь! Нынче государь снисхождение имеет к высокородным бастардам, вона скольким родительские титулы оставил! А наш род Соколинских к царскому роду ведет, неужто откажет мне узаконить внука, продолжателя рода?

– А коль откажет? – не унималась Марго.

– Хе! Да чтоб я оставил внука без средств... Найдем выход.

– Понятно. Только я никак в толк не возьму, в чем должна моя помощь заключаться?

– Поезжай в Петербург, найди внука.

– Князь... – У нее вытянулось лицо, а оно и так слегка удлиненное, округлились глаза, да-да, Марго потерялась, что случалось с ней редко. – Боюсь, ваше задание мне не по силам.

– А кто расписывал, как оборотня в усадьбе Мишеля разоблачил?

Вот к чему приводит хвастовство! Безусловно, страсть к загадкам в ней кипит, но когда загадки окружены тайной, пороком, преступлением. Необычайно любопытно, чем отличны эти люди от тех, кто никогда и ни за что не совершит тяжкого проступка, кто готов умереть за убеждения, но не отдать душу черту. Муж Марго, а он человек рассудительный и полная противоположность жене, считает ее тягу дурной чертой, глупым капризом. Собственно, она сама не понимала, откуда это в ней, вероятно, любопытство, свойственное всем женщинам без исключений, у Марго раздулось до невиданных размеров.

Заметив нерешительность крестницы, Гаврила Платонович привел еще один веский аргумент, объясняющий, почему его надежды связаны с Марго:

– И в истории с той женщиной – Камелией, как ее прозвали, – ты проявила ум. Мне доподлинно известна твоя лепта, потому доверяю одной тебе. Неужто откажешь крестному?

Но просьба князя найти внука слишком прозаична, неинтересна, заниматься заурядным поручением для Марго – мука. И отказать не посмела.

– А что скажу мужу? – нашлась она. – Зачем еду в Петербург?

– Марго, ты – и не придумаешь, плутовка? Сестра твоя живет в Петербурге, брат служит у Его величества, вот и поезжай к ним в гости.

– Прошло столько лет... – искала она причину для отказа.

– Фамилия Соколинские не из последних, чрез нее найдешь мать внука, полагаю, Мирон женился на ней, стало быть, фамилию нашу дал. Увидишься с ними либо сообщишь мне, я сам туда поеду. Но сообщения шли на почту и на имя Карпа, так-то оно верней будет.

– Непростое это дело, – не решалась она дать согласие, да что там – не хотела этим заниматься. – Смерть князя Мирона наверняка привела его семью к бедствиям. На что они жили все это время? Как мне стало понятно, князь Мирон не получал от вас содержания...

– Не получал, – буркнул Гаврила Платонович.

– А свое состояние у него было? От матушки, к примеру?

– Матушка Мирона хоть и княжеского рода, а из богатств имела одну красоту да характер покорный. Ее семья снимала плохонькую квартиру в Петербурге, из прислуги у них была кухарка да женщина приходила убираться, все работали. Она с матушкой и старшей сестрой вышиванием промышляли, а отец на чиновничьем месте над бумагами корпел. Князей развелось много, на всех богатств не хватило. Старшую выдали замуж – одному разбогатевшему дворянину понадобился титул, а вскорости и я забрал младшую да укатил сюда, не люблю суеты петербургской. Когда Мирону исполнилось лет десять, жена получила в наследство от матушки моей имение, оно недалеко от нашего города, а имением управлял я.

Раз отец управлял имением, денег сыну не высылал, Марго сделала печальный вывод:

– Стало быть, у Мирона не было выхода – только пойти на военную службу. Но остаться вдове одной с ребенком на руках и без средств, без поддержки, без родных... Ваша фамилия, светлейший князь, вряд ли помогла им справиться с трудностями, лишениями и нищетой, наш круг не терпит людей низкого происхождения, жесток он и с бастардами. А что тетушка Мирона? Сестра вашей покойной жены? Неужто ни разу не написала вам, не рассказала о вашем внуке, который нуждался в помощи?

– Ни разу. Она из тех людей, Маргоша, что, испытав нужду и возвысившись, презирают всех, кто попал в ее прошлое, а не проникаются состраданием к этим людям. Признаю: меня подвела гордыня, я сделал ошибку, прогнав сына, и наказан, оставшись один. Теперь хочу отдать внуку то, что ему положено.

– Я должна подумать.

– Поторопись. А теперича ступай, буду далее помирать.

Спускаясь по мраморной лестнице в первую гостиную, из которой коридор сразу ведет к выходу, Марго невольно замедляла шаг, видя внизу родственников князя, глядевших снизу на нее. Глядевших так, словно они голодны, а она – долгожданный кусок готового мяса, источающего аромат.

– Князь очень плох, – поддержала она легенду. – Вскорости навещу его вновь, возможно, мой визит поддержит крестного.

Выйдя на улицу, Марго встряхнула головой, высвобождаясь от неприятных впечатлений, и подумала, что крестный не напрасно устроил спектакль. Интересно, отравитель понимает, что он в комедианты подался? Преступника не так-то просто обмануть. И хотя все родственники боятся потерять наследство, этот кто-то, подсыпавший отраву, один. Марго с большим желанием занялась бы отравителем, в конце концов, внук, если он существует, никуда не денется, а вот князь в огромной опасности и ошибочно полагает, что надежно защищен старым слугой.

– Нужен толковый совет, – сказала вслух Марго и выглянула в окошко экипажа, окликнув кучера: – Елизар! К начальнику следственных дел гони!

Виссариона Фомича не было на месте, о чем поведал постовой:

– Их высокоблагородие на реку поехали, к труп, ваше сиятельство. В проруби женщина найдена-с.

– Елизар, на реку, – скомандовала Марго, вернувшись в экипаж.

Вот на реке настоящая загадка, а искать наследника...

* * *

Велев вознице дожидаться, Виссарион Фомич Зыбин самолично вышел на пространство, закованное в лед от берега до берега, и, балансируя, осторожно ступал, боясь поскользнуться и упасть. Не тот возраст, чтобы падать, и телом он грузен, да и неловко перед подначальными

будет – высокоблагородие да вдруг растягивается пластом на льду! Конфуз! Два сыщика скользили за ним, услужливо подставляя руки, мол, если что – мы поймаем, не дадим дорогому начальнику следственных дел покалечиться. Да куда им – тощим и глупым – удержать Виссариона Фомича! Он уж сам как-нибудь...

Добрался-таки до проруби без падения, где встретил его Кирсанов – молодой человек весьма привлекательной наружности, тайный агент, но служителя полиции в нем ничто не выдавало. Зыбин ценил его за ум, хватку, расторопность и знания, которыми обогащаются достойные люди. Кирсанов обладал манерами истинного аристократа, одевался в соответствии с модой, что помогало в деле, правда, шеголем не был, а вот откуда все эти достоинства взялись – помалкивал, однако не с неба же они упали на него. Виссарион Фомич оказывал ему безграничное доверие, а далеко не всех он привлекал.

Наконец остановился Зыбин у проруби, запыхавшись; выдыхаемый им воздух на морозе превращался в пар, окутывая белой дымкой круглое лицо с бакенбардами до плеч. А на льду картина живописная и жалостливая...

Приличная дама (судя по модной прическе и дорогому платью) по пояс погружена в прорубь, в ее спине торчал нож, воткнутый по самую рукоятку. Видимо, бросили лихие люди несчастную в прорубь, думая, что она мертва, а дама была жива и пыталась выбраться. Не выбралась. За ночь вода успела замерзнуть, и дама, лежавшая ничком, повернув лицо в сторону и вцепившись растопыренными пальцами в куски льда, которых было в избытке вокруг полыньи, вмерзла в прорубь.

– Ох-хо-хо... Жалко горемычную, красотой лепа... – пожалел даму мужик-крестьянин с бородой до пояса, в тулупе, подпоясанном веревкой, и лохматой медвежьей шапке. – Бабы на рассвете пошли по воду, так и нашли утопшую. Визгу было...

– Да какая ж она утопшая, – произнес Кирсанов, присев у проруби на корточки и разглядывая бледный профиль с тонкими точеными чертами. – Сию благородную особу пытались убить, да не добились. Видать, в столь хрупком теле великая сила жила. Хочу обратить внимание, ваше высокоблагородие! Она ведь ушла под воду – волосы и платье покрыты корками льда, стало быть, нырнула. Гляньте, веки смежены неплотно, всего-то на полглаза. Значит, дама вынырнула, зацепилась за куски льда, чтобы выбраться, только вот силы кончились. Она лежала, цепляясь за лед, и понимала, что умирает. – Он выпрямился и повернулся к Зыбину: – Будем вынимать тело?

– Погоди... – выставил тот ладонь и наклонился к труп.

Вместо того чтоб лежать на печи в столь почтенном возрасте, сладко спать, вдоволь кушать (он большой любитель поесть, оттого тучен) и наслаждаться праздностью, начальник следственных дел был страстно привязан к своему делу. Он обладал удивительным чутьем и наблюдательностью, потому предпочитал лично прибыть на место происшествия и осмотреть обстановку, тело, послушать возможных свидетелей, а потом уж думать, с чего начинать поиски преступников. Зыбин не успел толком рассмотреть бедняжку, как вдруг услышал знакомый женский голос и поднял голову:

– Виссарион Фомич!..

– Графиня Ростовцева! – изумился Зыбин.

– Она самая, – подтвердил Кирсанов, всматриваясь в даль.

Опираясь на руку кучера, по льду со всей осторожностью скользила Марго, Кирсанов поторопился навстречу графине, а толстые губы Зыбина растянулись в приветливой улыбке. Но это сейчас он рад видеть ее, она, конечно, навязала ему свое общество, несмотря на его адское сопротивление, но сколько пользы принесла следствию! Да и лично Виссариону Фомичу: когда начальство хотело отправить старика на покой, что стало бы равносильно смерти, графиня Ростовцева похлопотала и... Зыбин остался на своем посту служить Отечеству. Да, Виссарион Фомич считал следственное дело таким же почетным, как и военное, не меньше! Ведь очищать

общество от преступного элемента, делать жизнь людей безопасной – разве это не благородное служение?

3

Три плюс два

Полуподвальное помещение охраны из двух смежных комнат с небольшой прихожей, одна комната для отдыха – с диваном, столом для перекуса, стульями и плоским телевизором, вторая – рабочая с мониторами. А больше-то ничего броского в охранной части дома не имелось, разве что аккуратная кирпичная кладка стен без штукатурки и потолок, разделенный на белые сегменты с отделкой из дерева. Мужики только не вписывались в интерьер с их простецкими физиономиями работяг, один так и вовсе с пивным животом – и это охранник, правда, он и возрастом далеко за сорок, а двое ребят значительно моложе, примерно ровесники Артему. Стоило ему увидеть их, сразу понял: с ними проблема, то есть со здоровьем у всех троих проблема. Глаза пьяные, вялые и, конечно, подавлены. Ну, так! Две жизни прошляпили. Артем не видел смысла опрашивать их поодиночке, он сел на свободный стул, не забыв представиться:

- Майор Курасов, начальник уголовного розыска.
- Юрий Овчаров, – представился старший.
- Рафик Ашаров, – сказал темно-русый молодой человек.
- Тушин. Слава.

Не было у них желания общаться не только с майором, мужики находились на нулевом энергетическом уровне, им пофиг все, что вокруг шевелится, еле языками ворочали. Учитывая обстоятельства, Артему не пришла в голову мысль, мол, с бодуна мужики, тут что-то другое, примерно догадывался – что. Он сочувствовал им, но помочь ничем не мог, да и задача у него другая, вопрос Артем адресовал сразу троим, останавливая по очереди взгляд на каждом:

– Что здесь произошло? Меня не убитые интересуют – это голый факт, их я видел. Конкретно у вас что произошло? Вы не защитили ребят, записи видеонаблюдения стерты... Как такое случилось?

В наиболее нормальном состоянии оказался Рафик, он и ответил:

- Мы вырубились.
- В смысле? – не понял Артем.

– Отключились. Мы тут сидели и вспоминали, после чего нас плющить стало. Нет, правда, нам что-то подсунули... типа снотворного. А по-другому никак не могли вырубиться хором. Но в какой момент... куда подкинули...

И он поднял плечи, мол, как ни старались, воспоминания к результатам не привели. Рафик еще не договорил, а у Артема готов следующий вопрос:

- А что вы ели-пили последний раз?

Тут руку поднял самый старший – Овчаров, он держал стакан воды и периодически отпивал из него по глотку:

– Не факт, что после крайнего приема пищи мы отрубились. Поужинали где-то в половине десятого, а ребята после двенадцати кофе варили в соседней комнате, то есть машина варила...

– Нет, ты ошибся почти на час, – уточнил Рафик. – Ближе к часу ночи мы пили кофе, я смотрел на часы примерно без пятнадцати, кофе еще варился. Гости Лалы разъехались где-то в час, я заблокировал вход... Все было в одно время.

– Ну, может, – согласился Овчаров. – Я помню, как варился кофе, а мне стало... как-то не очень, голова отяжелела, в теле слабость появилась. Спиртного я не пил несколько дней, поэтому подумал – давление упало, сказал ребятам, что полежу немного, лег на диван, там же и вырубился.

- А мы еще держались, – подтвердил Рафик.

– С полчасика, – хмыкнул Тушин Слава.

– То есть после кофе отключились? – уточнил Артем.

– Ну, да... – пожал плечами Рафик, будто сомневался. – Слава сидел за монитором и вдруг голову свесил, смотрю – дремлет. Я растолкал его, а он – никакой! Слава решил сидя подремать – лишь бы сонливость прошла, минут через пять и я начал сдавать, кажется, сразу потерял видимость...

– Уснул, – перевел с русского на русский Артем, он любит точность.

– Я бы так не сказал, – возразил Рафик. – Засыпают... по-другому! Мы понимаем, что засыпаем, а тут... Я помню, что сидел и вдруг – как отрезало. Очнулся – лежу всем корпусом на столе и ничего не понимаю: где я, что со мной. Голова – как после перепоя, на мониторе – обычная картинка, только утро настало.

В сущности, все понятно: кто-то подсыпал транквилизатор... вот куда подсыпал, пока неясно, но эксперты разберутся. В связи с этим у Артема сразу сформировалось несколько важных вопросов, но он привык слушать внутренний голос, обычно чутье не ошибалось, поэтому интерес проявил, казалось бы, к несущественным деталям:

– А кто из вас первым очнулся?

– Никто, – сказал Слава. – Все одновременно.

– Значит, уснули вы в разное время, а проснулись...

– Нас разбудила Зинуля, – пояснил Юрий, – она так орала...

– Кто это? – осведомился Артем.

– Домработница. Обычно их две, но вторая недавно уволилась.

– Почему уволилась?

– У Зинули спросите, а я не хочу сплетничать. Прибежала и орала, мы еле поняли, в чем дело. В комнате Лалы видеокамеры нет, но перед ее комнатой видак стоит, полностью парня на мониторе мы не видели – одну руку на полу, поэтому я сбегал наверх, чтобы убедиться... И только потом позвонили Амирану.

– Где остатки еды, которую вы ели, где чашки, вилки, ложки?

Настал момент, когда нужно заняться конкретными уликами, если бы... если бы они были! Охранники уверяли, что остатки еды выбросили в мусорное ведро, посуду сложили на поднос и оставили на столе, но ничего из перечисленного на указанных местах не нашлось. Артему осталось выяснить, сколько гостей принимала Лала – немного, всего четверо (два парня и две девушки), то есть пятеро, если считать и убитого юношу. Ну, хоть количество подозреваемых не запредельное. Больше не стоило мучить мужиков, время для вопросов-ответов еще будет, к тому же каждый под протоколом поставит свой автограф. Тем не менее Артем предупредил, чтобы никто не уходил, а сам вернулся в дом, взбежал на четвертый этаж.

Работа шла уже в комнате убитой, парня к этому времени унесли. Оперативники делали обыск, рыская по ящикам комода и шкафа; эксперт Левин, присев на краешек кровати, занимался Лалой; криминалист, которому не доверял Артем, сидел на ковре и укладывал в полиэтиленовые мешки посуду.

– Ефим Васильевич, – идя к кровати, произнес Артем, – что с парнем?

– Два выстрела, – коротко сообщил Левин, не оборачиваясь на голос.

Левин – человек, перешагнувший полувековой рубеж, упорядоченный, спокойный, с нездоровым цветом лица желтоватого оттенка, хотя на здоровье не жаловался. Высококлас- сный профи и, если апеллировать современными понятиями, с высоким IQ, однако на бытовом уровне иногда виделся профаном.

– А девушка? – спросил Артем.

– Ей досталось аж три пули.

– Ого. Значит, дело в ней.

– Не знаю, тебе решать, товарищ начальник. Я пока могу нарисовать приблизительную картину преступления. Мальчик с девочкой лежали в постели, не спали, разумеется, секс у них был. Вдруг зашел убийца с пистолетом. Вот смотри...

Левин поднялся, подошел к спинке кровати, остановился точно напротив полусидящего трупа и, подняв кулак с вытянутым пальцем, изображающий пистолет, комментировал свои действия:

– Примерно отсюда стрелял, я без баллистической экспертизы могу определить в данном прискорбном случае. Наверное, он как-то обратил на себя внимание парочки. Когда его заметили, а главное, увидели пистолет в руке...

– А как увидели? – перебил Артем. – Ночь была.

– Артем, – улыбнулся Левин, – ты меня удивляешь. Не все занимаются сексом в темноте, некоторые предпочитают при свете. Здесь горела настольная лампа, когда мы вошли – раз, а два – посмотри, сколько огарков свечей, они тоже горели и создавали пожароопасную ситуацию...

– Можно без иронии?

– Можно. Но это правда, дом мог сгореть к чертовой матери, убийца ушел и не погасил свечи, потому что негодяй. – Заметив, как показательно нахмурился Артем, все же перешел на серьезный тон. – Итак, мальчик увидел пушку, испугался и рванул к двери, его свалил выстрел, но не смертельный. Девочка...

– Ее Лала звали, – сказал Артем.

– Красивое имя.

– А девчонка не очень, – бросил опер, копавшийся в комоде.

– Красота вещь относительная, – парировал Левин. – Лала, видя решительность убийцы, подтягивалась на руках, психологически отдаляясь от него, поэтому ее нашли фактически сидящей. Наверное, она что-то говорила, думаю, просила не убивать ее, но! Он выстрелил. Первый выстрел сделал в правую часть... ниже правого плеча. Вот эта дырочка...

Левин вернулся к трупу и указательным пальцем обвел ранку на обнаженной груди, не касаясь ее.

– А как вы определили, что это рана от первой пули?

– Логикой, дорогой, логикой. На ладошку посмотри. На левую. Она в крови. А вторая ладонь чистая. Лала схватилась за рану, инстинктивно схватилась. Второй выстрел был смертельный – в сердце. Убийце нравился процесс истязания жертвы, поэтому убил ее не сразу. Причем, Артем, интересная деталь: он долго находился здесь. Не знаю почему... может, что-то искал? Потому что третий выстрел сделал в обескровленное тело. Ну и когда уходил, добил парня, чтобы тот не выжил – свидетель, однако.

– Уже кое-что, на чем можно строить следствие, – проговорил Артем, осматриваясь. – А кстати, кто у нас следователь, где он?

– Сегодня у нас главный – ты, – снова улыбнулся Левин. – Прокуратура дружным составом ушла в загул, что-то отмечают за городом на базе, а дежурные следки разбежались по делам. Сегодня день неудачный, какой-то суперпреступный, наверное, из-за полнолуния.

– Ни одного следака?! – Артем даже не договорил, его просто-напросто накрыло волной возмущения. – Я с таким безобразием впервые сталкиваюсь.

– Обещали-с приехать, – успокоил его Левин. – Вот кому-то не повезло: рюмку отняли, кусок мяса не доел... А какая разница тебе – есть следак или нет? Все равно черную работу делаем мы все, здесь присутствующие.

– Ладно, работаем, – махнул рукой Артем. – Ефим Васильевич, надо взять кровь у охранников, им что-то подсыпали, после чего все мужики вырубались.

– Нет проблем, я уже заканчиваю с нашей дамой. Минут через десять поедем с охранниками в лабораторию.

Теперь Артем подошел к криминалисту, который укладывал в чемоданчик «трофеи» с ковра. Молодой человек интеллигентного вида с зачесанными назад длинными волосами, схваченными резинкой в хвост, худой и высокий, с очень серьезным лицом (кажется, он не умел улыбаться), но симпатичный, только рот немного великоват, сам выступил с инициативой:

– Мне тоже надо к охранникам, раз их травили.

– Надо-то надо, – вздохнул Артем. При всем при том приятно удивился, а то ведь молодые спецы не любят работать, тем более проявлять инициативу. – Только убийца подчистил там: нет ни подноса с тарелками и остатками еды, ни чашек с кофе, после которых два парня отключились, ни мусорного ведра.

– Я поищу, – пообещал Феликс.

– Давай. А что с парнем, личность установлена?

– Документов нет, телефона тоже не нашли, – сообщил один из оперов. – Володя ищет на нижних этажах, хотя бы что-нибудь из его вещей. Не мог же пацан прийти с пустыми карманами. Ни банковской карты, ни телефона, ни денег, даже трамвайного билета нет. У первокурсника в карманах и то больше мелочовки!

Действительно, странно и, наверное, что-то означает в данной ситуации, но на очереди две барышни...

Кто из них кухарка – Артем понял сразу, это просто: одна из женщин дородная, видно, напробовалась стряпни, тело и разрослось во все стороны. Лет ей примерно с полтинник, возможно, меньше – лишний вес прибавляет возраст. Она сидела в пластиковом кресле в глубокой задумчивости; когда Артем вошел, испуганно вскинула на него маленькие глазки, беспомощно приоткрыла рот, затем посмотрела в сторону... на Зину, как он догадался, словно ища в ней поддержки.

Зина особа молодая, красотой не блистала, косметикой не пользовалась, но фигуристая, правда, невысокая. Она стояла у раскрытого окна и держала в руке чашку с чем-то горячим. Представившись, Артем присел на стул и начал:

– Дамы, меня интересует сама Лала, только по-честному, без прикрас, ее ведь за что-то застрелили. Не бойтесь, говорите свободно, протокол я не веду, так что ваше мнение Амирану не станет известно, но мне нужна правда.

Женщины не сразу разговорились, сначала бекали-мекали, а с первых неубедительных ответов мялись, что само по себе говорит о многом, например: девушка и после смерти внушала им если не страх, то опасения. Или проще: хозяина боялись. В подобных случаях Артем задает наводящие вопросы:

– Я знаю, что здесь работала еще одна домработница, но уволилась... Или ее уволили? (Молчание.) Лала выгнала?

– Сама ушла, – промямлила под нос Зина.

– А причина? (Молчание.) Девушки... – протянул Артем, сканируя их глазами. Нет, этих двух куриц нахрапом нужно брать. – За отказ сотрудничать со следствием, вам предъявят...

И даже не нужно было на ходу придумывать кары небесные, Зина, видимо, нарисовала картины пострашней, потому выпалила:

– Полине надоело презервативы с ковра собирать и покрывать Лалку – ведь Амиран ничего не знал про загулы в его доме.

– Значит, Лала вела себя плохо...

– Почему сразу – плохо? – вытаращилась Зина. – Немножко неразборчиво. А так... она... Нет, правда, она хорошая, отзывчивая... мне шмотки свои отдавала, которые ей надоели... Вот.

Краем глаза Артем заметил, как кухарка подавала знаки девушке, дескать, молчи, дурища. За наклоном головы он скрыл усмешку – ну, рассмешила его тетка, потом, соорудив серьезную мину, строго спросил:

– Вы знаете гостей Лалы?

– Я только по утрам прихожу, – заявила Зина, тем самым отсекая себя от ночного события.

– А вы?.. – уставился он на кухарку.

– А что – я? – вскинулась та. – Оно мне надо – чужие ухажеры? Я приготовила, подала и ушла.

– Я не про ухажеров спрашивал, – напомнил он.

– А, эти... Не, гости менялись... некоторые... то есть были и постоянные последнее время, а менялись мальчишки Лалы, я их даже запомнить не успевала, да и не знакомила нас Лалочка со своими друзьями.

Ой, как трудно бывает вычленить суть из набора слов! Задать еще вопрос по поводу друзей – женщина залезет в дебри и запутает, осталось заметить:

– Но вы не обязаны были готовить для ее гостей.

– Так Лалочка просила – как же отказать? Она такая... милая!

Скучно стало Артему, да и жалко баб, выкручиваются глупо, неумело, ясно же, что боятся потерять работу, наговорив на любимую племянницу хозяина много из того, что ему не понравится. Но хотя бы главное уяснил:

– Значит, она часто меняла друзей, как и партнеров по сексу, делала это тайком от дяди... Девчонка молоденькая, безбашенная, хотела все попробовать, наверное, и наркотиками баловалась в веселой компании.

– Кто молоденькая? – хмыкнула Зина. – Лала? Да ей почти двадцать девять, она на год старше меня.

– Да ну! – изумился Артем. – А выглядит...

– Ой, да все выглядели бы с их деньгами, – отмахнулась Зина.

– Так что с наркотиками? Лала нюхала, курила, таблетки глотала? Вы же убираете, наверняка замечали подозрительные пустые пакетики, окурки...

Наркотики – как одно из предположений и взятое с потолка. Лала вела разгульную жизнь, а там, где вечный праздник, появляется потребность в экстремальных наслаждениях. На богатых клиентов наркодилеры устраивают настоящую охоту, у них масса уловок с приемами, к ним только стоит попасть – не выберешься. А для строптивых существуют особо жестокие методы усмирения или ликвидации. Только на этих данных построил свое подозрение Артем.

– Ничего такого, на что вы намекаете, я не видела, – заверила Зина интонацией, которой дают самые страшные клятвы. – Ни разу! Какие наркотики?! Скажете тоже. Между прочим, Лала врачом работала. Да-да, не смотрите так. Гинекологом! В престижной частной клинике. Думаете, врач начнет наркотиками баловаться? Бред.

«Ну, тогда она утопила родившегося младенца в ванной, за что и получила пулю», – подумалось мимоходом Артему, вслух он спросил кухарку:

– Вы принесли ужин охранникам, верно?

– Я их не травила! – вырвалось у нее с отчаянием.

– Их не травили, а усыпили. – Разговаривал он с ней, как с больной. – После того, как вы принесли ужин, что делали?

– Ушла. Домой.

И всхлинула, дура. На жалость давит, хотя не она накормила транквилизатором охрану – куда ей! Тетя от страха умрет при мысли, что надо подсыпать в еду усыпляющее средство, телик-то сморит, наверняка запомнила, что некоторые после большой дозы не просыпаются. Нет, с этими не договориться, во всяком случае, сейчас: у них шок, обе напуганы, растеряны,

бояться ляпнуть лишнее. Кстати, у многих в сходных обстоятельствах гуляет в головах мысль, будто именно их подозревают.

– Ладно, – сказал Артем мягким тоном. – Мне нужен телефон Полины, второй домработницы.

Что ж, хоть в этом ему не отказали, и когда он уходил, дамы очень обрадовались, даже скрыть не смогли хотя бы ради приличия. Артем отправился искать Володю, естественно, заглянул в антикварную гостиную, узнать, как тут София, а здесь Вовка собственной персоной, оба тихонько смеются. Но где же хозяин? Бубнова не было, Артем плюхнулся в кресло, заметив:

– Стоит мне на минуту отойти от Софии – ты тут как тут.

– Тебя не было два часа, – возразил Вовчик и подмигнул Софии. – Ревнует. Правильно делает.

Все это подначки, шутки, только им троим понятные, на самом деле между ними установилась крепкая дружба. Володя предоставил Артему и Софии свою однокомнатную квартиру, платы не брал – иначе какая это дружба? Ребята платят только по тарифам, а сам рыжий и конопатый, шуплый и невысокий, прям мальчишка, но симпатичный до чертиков Вовчик живет у любимой тещи.

– Ну, Боря и козел! – поделился Вовчик своим впечатлением о пикировке у ЗАГСа, явно речь шла об этом до прихода Артема. Кстати, оперативник он супер. – Одно радует: твой Боря, София, уже в прошлом.

– Птица-говорун, вернемся к нашим баранам, – беззлобно сказал Артем. – Личность убитого установлена?

– Увы, увы, увы, – вздохнул Вовчик, разведя ладони в стороны.

– Ясно. Тогда ждем, когда поступит заявление о пропаже. Вовка, обзвони отделы, пусть принимают все заявления о пропаже молодых людей, невзирая на трехдневный срок. У него есть же мама, папа, бабушка... кто там еще? Да от кого бы то ни было – пусть принимают. Он не ночевал дома, на звонки наверняка не отвечает. Думаю, убийца забрал его документы с телефоном.

– Мы не нашли и телефон Лалы, просили позвонить Амирана – трубка вне доступа. У нее айфон был крутой.

– Убийца забрал трубки и выкинул батареи. Не-а, не рискнет трубки использовать, наверняка грамотный, знает, что стоит ему вставить батарею, как его засекут, но! У операторов связи затребуй все номера, по которым Лала звонила последние дней пять, ее номер у Ирака возьми. Всех обзвонишь, так выяснишь, кто у нее был вчера на вечеринке. Пока все. София, поехали?

– Звезда моих очей, прощай! – взял театральный тон Вовчик, помогая Софии собрать вещи. – Субботу и воскресенье я тебя не увижу...

– Встречаемся завтра во второй половине дня, – перебил его Артем. – Эксперты к тому времени подготовят результаты, пока устно.

– А почему такая срочность? – вытаращился тот. – Я теще и Люсиль обещал вояж по магазинам.

– Свозишь в первой половине дня.

– Я готова, – сказала София.

Артем забрал у нее чемоданчик с ноутбуком, оба вышли во двор, где наткнулись на хозяйина, который заметно обеспокоился:

– Вы уже уходите? Почему?

– Потому что больше ничего мы накопать сегодня не сможем. Завтра обещаны результаты экспертиз, но к вам еще зарулит рыжий паренек... да вот он, – указал Артем на появившегося в дверном проеме Вовчика. – Всем пока.

Автомобиль чудом не расплавился, София, пристегнувшись, сразу опустила окно, поставив Артема в известность:

– На наше бракосочетание папа дарит машину, ты будешь ездить на новой, а я на этой, но сюда надо поставить климат-контроль.

– Ты сначала экзамен сдай, – ухмыльнулся он. – Я пальцем не пошевелю, чтобы облегчить твою участь. Ну, зачем тебе руль, София? На наших дорогах столько дураков... Нет, я против. Согласен, общественный транспорт неудобен, но есть же я, Вовка, мой рабочий автомобиль и водитель к нему, мы будем тебя возить, куда скажешь.

Глядя его по щеке тыльной стороной ладони, она приговаривала:

– Милый, не нервничай, это решенный вопрос. Не надо стонать, рычать, стучать ладонями о руль, – перечисляла София его действия. – Современная женщина не должна лежать камнем на плечах мужа.

– Я разрешаю: лежи камнем на моих плечах хоть всю жизнь.

Она рассмеялась, поставила локоть на край окна и, подперев голову ладонью, смотрела на этого замечательного человека. Приятно, черт возьми, когда о тебе заботятся, Артем пылинки с нее сдувает – она ведь ребенка ждет, а раньше София сдувала пылинки с неблагодарного Борьки, но ей в конце концов надоело работать сквозняком. Нет, она будет благодарной и постарается продлить состояние счастья до глубокой старости.

– А что там с охраной? – вспомнила София.

– Охранников убийца вырубил, потом пришел к ним, спокойно стер видео и... Извини! – Артем вытащил мобильник, нажал на кнопку и через несколько секунд разговаривал с Володей. – Вова, ты еще там?.. Отлично. А криминалист?.. Скажи ему, пусть срочно проверит систему видеонаблюдения, если не разбирается, пригласите спецов из охранной фирмы... Молодец, правильно. Убийца может оказаться в памяти компа фирмы или другого сервера, куда поступает сигнал видеонаблюдения. Ну, все, пока. Что ты спросила, София?

– Что с охраной.

– Ага. Понимаешь, самая надежная охрана – человек, с ним никакая техника не сравнится, во всяком случае, в наше время. Может, когда-то сделают роботов-суперменов, которые на лету будут хватать пули стальными пальцами, а пока... только человек. Он видит, чувствует, угадывает. Он должен предвидеть опасность, вовремя прикрыть собой клиента или спрятать его, помочь ему, если того ранят. Но человек уязвим и смертен, как и его клиент, это огромный минус. Наши охранники то ли выпили, то ли съели еду с дозой снотворного и крепко спали, даже выстрелов не слышали.

– Жалко старика Бубнова, он просто убит горем...

– Жалко? Есть одно «но», и очень весомое: Ирака от нормальных людей отделяет его прошлое, далеко не почетное. В свою бытность он никого не жалел. Бубнов вор, грабитель, все, что ты видела в его доме, – за чужой счет. Я уверен, что и жизни он крал, может, сам и не марался, но приказы убить отдавал. А нам устроил какое шоу! Нельзя было у ЗАГСа все объяснить и попросить о помощи? Что ты! Это был бы не Амиран-Ирак, он привык заставлять, подчинять, указывая на дистанцию: он властелин, остальные – вассалы. Так что, София, не стоит Бубен твоей жалости.

– И твоего кипения, – заметила она, улыбаясь.

В сущности, профессия Артема исключает жалостливость, потому что никогда он не бывает уверен, кто именно стоит перед ним: ангел во плоти или дьявольское отродье. На то он и фанат своего дела, профессионал с большой буквы и ее муж – второй по счету, но других больше не будет. София громко поцеловала свои пальцы и приложила их к щеке Артема, он мгновенно перехватил ее руку, в ответ поцеловал пальцы и отпустил. Реакция у него, конечно, на уровне скорости света.

– Слушай, Артем, ты не заметил... наш Вовка какой-то не такой.

- В смысле? Что значит – не такой?
- Не знаю, как объяснить... Глаза у него грустные.
- Не-а, не заметил. Не переживай, если у него что-то не так, я первый узнаю. Ты голодная, давай заедем по дороге и поедем? – предложил Артем.
- Я два банана съела, а вот ты наверняка голоден как волк.
- Ну, я-то потерплю, мама там наготовила на полк.
- И я потерплю. Короче, шеф, гони в деревню.
- Устроившись поудобней – полулежа, но чтобы ветер попадал в лицо, София вернулась...

К своему роману

– Ваше сиятельство... – сладко закурлыкал Зыбин, извергая белые паровые клубы, будто Змей Горыныч, к счастью, не огненные.

– Добрый день, Виссарион Фомич, – бросила Марго, обойдя его и остановившись в двух шагах от проруби. В данную минуту ее занимал не начальник следственных дел, а страшное зрелище. – Что это тут у вас? Боже мой... Женщина... вмерзла в прорубь... В ее спине нож!

– Мы как раз собирались извлекать даму, – сказал Кирсанов.

Он не предложил Марго отойти в сторонку (или вернуться в экипаж) – лишь бы не смотреть на извлечение несчастной из проруби, от этого дамы умереть могут, а не только в обморок упасть. Нет, Кирсанов знал графиню, у которой не было привычки экзальтированно заламывать руки и падать в глупые обмороки, он указал ее сиятельству на одну деталь, вторично присев на корточки возле трупа:

– Взгляните, ваше сиятельство, на ребре ладони у нее шрам.

Графиня тоже присела – ей было глубоко безразлично, что ее поведение слишком вольно. Вынув руку в лайковой перчатке из меховой муфты, она провела указательным пальцем по воздуху вдоль ребра ладони мертвой дамы от мизинца до запястья, одновременно произнеся:

– Какой ровный разрез... аккуратный... тонкий... ни одного изгиба...

– Совершенно верно вы заметили, – сказал Кирсанов. – Она поранилась весьма острым предметом с тончайшим лезвием. Однако рану получила давно. Очень давно. Не два, не пять и не десять лет назад, а значительно больше.

Он выпрямился и протянул руку Марго.

– Неужели? – поднялась и она, опираясь на его руку.

Разумеется, в ранах, особенно давнишних, графиня ничего не понимала, Кирсанов посчитал своим долгом просветить светскую даму:

– Раны, нанесенные тонко заточенными предметами, например бритвой, заживают долго, шрамы остаются на всю жизнь. Но в данном случае...

Почему-то он не закончил мысль, и Марго, охочая до всякого рода непонятностей, которые край как надо сделать понятными, сжала его руку, возвращая молодого человека из задумчивости:

– Что? Что не так, господин Кирсанов? Скажите же!

– Простите, я покуда не могу объяснить, надобно подумать.

– А знаете ли, господа, – подал голос Зыбин, – преступников было не менее двух. Согласитесь, даме нечего делать у проруби, тем паче ночью. Вряд ли пришла она сюда по собственному почину – что ей тут делать, вдали от берега? Кстати, мужики говорили – вчерась ввечеру трупа не было, стало быть, кинули даму в прорубь ночью-с.

– Эй, любезные! – обратился к мужикам Кирсанов. – Начинайте.

Ему, Марго и Зыбину пришлось попятиться на несколько шагов, так как трое мужиков окружили тело и ударили железными кольями в замерзшую полынь. В разные стороны полетели осколки льда, а вскоре – и брызги.

– Итак, раз женщину привезли насильно... – наблюдая за работой мужиков, произнесла Марго. – Отчего ж не связали? Чтобы не сопротивлялась?

– Ее вначале зарезали, ваше сиятельство, опосля привезли сюда, – сказал Зыбин. – На льду имеются пятна крови, однако совсем немного, что и дает право предположить: ее несли с ножом в спине. Преступники думали, она мертва, а мертвую-то зачем связывать? Да и с ножом в спине далеко не убежишь.

Довольно скоро мужики освободили прорубь от льда, вычерпывая его ковшом, но не так-то просто оказалось вытянуть женщину.

– Примерзла-с, – сообразил сыщик Пискунов, препротивнейшая рожа на тонкой шее, но усерден и потому необходим Зыбину. – Оне-с мокрой были, а ночью морозец знатный... Надобно-с поддеть трупик-с... ломиком, ломиком...

Виссарион Фомич кинул в него красноречивый взгляд, запрещающий лезть с советами. Пискунов срочно ретировался за спины благородных особ и более не проронил ни слова, лишь поглаживал тонкие усики с загнутыми по-дурацки кверху концами да поглядывал маленькими глазенками на говоривших. Он очень дорожил местом в следствии, посему два правила соблюдал неукоснительно: усердие и преданность начальству. Тем временем Зыбин посоветовал мужикам:

– Подрубите лед под мадамой, перевезем в участок прямо со льдом – дольше протянет в мертвецкой. Полагаю, ее уж родственники ищут. Господин Кирсанов, дайте-ка объявление в газеты...

И вдруг замер, выпятив толстые губы и поглаживая выступающий живот. Все ждали конца его фразы, а Виссарион Фомич лишь хмурил лоб, впечатление такое, будто забыл, как произносятся слова, и вспоминал их. Даже Марго уже знала, что Зыбин не просто так обрывает фразу, главное – сейчас не мешать ему расспросами. Однако он так же внезапно, как только что впал в ступор, вышел из него, прикрикнув на мужиков:

– Не так шибко бейте лед! Не пораньте даму!

– Да ничего вашей мадаме не сдеется, – проговорил мужик с бородой, наклонившись к труп и орудуя ломом. – Ей все едино, не живая ведь.

Женщину откололи от поверхности вместе с плоской глыбой, переложили на носилки и отнесли в сани, соблюдая осторожность. А Виссарион Фомич немножко неуклюже предложил руку Марго, оттопырив локоть. К берегу шли неспешно, было время переговорить, Зыбин и поинтересовался:

– За какой надобностью, ваше сиятельство, приехали на реку? Вы ведь мою персону искали, не так ли?

– О, вы догадливы! – вспомнила Марго свою цель. – Мой крестный... князь Соколинский Гаврила Платонович...

– Как же, как же, знаем-с. В нашем городе сиятельнейших особ не столь много, пожалуй, он один и будет...

– Верно. Фамилия Соколинский древнейшая, род происходит от князя Бабичева, владевшего сокольней, потомка великого князя Рюрика.

– Ммм! – одобрительно промычал Зыбин. – Мало осталось именитых древних родов... Так что там с его светлостью?

Марго вкратце рассказала о странностях в доме князя, его просьбе и своих опасениях, попросила помочь, но не знала – чем. Графиня премного удивила начальника следственных дел: за время их знакомства ему не приходилось видеть графиню столь потерянной и огорченной – сама на себя не похожа! От дам света ее отличали живость, любознательность, отсутствие спеси, да и вообще – ее сиятельство отзывчива, милосердна, что большая редкость среди знати. Идеал, да? Вовсе нет, она упряма, напориста, взбалмошна, не без капризностей... то есть все женские повадки, которые не терпят мужчины, графиня Ростовцева успешно выпе-

ставала в себе, доведя до идеала. Вскоре они очутились на берегу, поднимаясь на пригорок по протоптанной в снегу дорожке, шли туда, где стояли повозки, сани и экипаж графини. Зная, как Зыбин любит удобства, Марго сделала ему предложение не без корысти:

– Виссарион Фомич, не соблаговолите ли воспользоваться моим экипажем? В нем теплей и... и... Да попросту ваша коляска не хороша! Ну и... должны же вы дать совет, как мне быть с крестным!

Вот она, истинная графиня: чуть что не по ней – она нервно топает ножкой, капризно поджимает губы, хмурит изогнутые бровки, при этом хороша, чертовка!

– Премного благодарен, – согласился он, не сдержав улыбки.

Разумеется, в карете сиденья мягкие, есть подушки, тулупом можно укрыть ноги – в таких условиях хоть по всей России-матушке путешествуй. Устроившись на холодных подушках, Виссарион Фомич не стал тянуть с советом, так как успел обдумать сведения графини:

– В Петербург на поиски семейства князя мы отправим Кирсанова, а в помощь ему... да того же Пискунова. Первый сойдет за родственника его светлости, Кирсанова не отличишь от аристократа, а Пискунов – за его слугу. Надеюсь, Гаврила Платонович даст соответствующие письма, чтоб уж никаких сомнений ни у кого не вызвать?

– Разумеется, даст, коль я о том попрошу, – заверила Марго. – И денег в достатке выдаст на дорогу, об этом не беспокойтесь. А что делать князю? Не ровен час – отравят крестного.

– А его светлость, ваше сиятельство, спасти придется вам.

– Мне? – растерянно распахнула она глаза. – А вы?

– Буду направлять вас. Бросать одного его ни в коем разе нельзя, на Карпа надежда мала, верного слугу ведь тоже могут отравить. Некто наверняка прознал, что по ночам Карп кормит хозяина, он ведь зорко следит за изменениями состояния князя. И этот некто из близких ему людей...

– Из нахлебников! – поправила она. – Никто из них не удосужился пойти на службу! Принести хоть какую-то пользу себе и людям! Все сидят на шее князя, тем не менее кому-то пришла в голову идея пораньше отправить его на тот свет!

С досадой Марго ударила муфтой, в которой грела руки, по своим коленям и уставилась в окно, пряча глаза, наполнившиеся слезами. Зыбин только с виду казался грубым и неотесанным, на самом деле он тонко чувствовал кипящие страсти в людях, улавливал в них перемены, что помогало в деле. В то же время не умел он утешать и успокаивать, а иногда так и вовсе проявлял солдафонскую бесчувственность, как на сей раз – хотел участием поддержать графиню, на деле же отчитал:

– Будет вам, ваше сиятельство! Что это вы удумали расклеиться? Не похоже на вас.

– Простите, Виссарион Фомич, – смутилась Марго, но лица к нему не повернула. – Крестный мне дорог, правда-правда. Иной раз он бывал мне ближе отца с матерью, у него я находила сочувствие...

– Помилуйте, да разве ж вам надобно сочувствие?

– Как и всем людям, – дрогнувшим голосом произнесла она. – Крестный всегда был добр ко мне, понимал, как родную дочь. Сейчас я думаю, что в моем лице он... как бы это сказать... извинялся за сына, с которым поступил жестоко.

– На месте князя так поступил бы любой отец, – категорично заявил Зыбин, известный хранитель порядков Домостроя. – Негоже идти супротив родительской воли.

– Что значит – родительская воля? – разошлась она. – Сделать несчастным человека? Оттого свет у нас и бесчувственный, что однажды всех подавила родительская воля, которая не считалась с желаниями и чувствами своих же детей. Много ли даст любви человек другому, когда с ним обошлись жестоко? Подчинившись, он уже учится не любви к ближнему, а изворотливости, чтобы теперь тайком получить удовольствия, насладиться своей хитростью и обманом. Но при этом он все дальше уходит от того человека, каким его задумал Господь.

Графиня неисправима, ей бы все наперекор сделать. В других Зыбин терпеть не мог эту скверную черту, разрушающую устои и приветствующую распущенность, черту, отрицающую правила. А правила, полагал он, издревле созданы для удобства проживания людей друг с другом, отмени их – наступит хаос. Однако Марго он прощал слабости, так как не раз видел, что ее заблуждения продиктованы искренностью, она не только болтала языком, она еще и следовала своему уставу.

– Оставим спор, ваше сиятельство, а то поссоримся, – мягко предложил Зыбин. – Совершенно покушение на убийство! Об этом надобно думать и поразмыслить: каким образом действовать, чтобы не допустить жертв. На вас налагается ответственность за жизнь князя, на одну вас.

– Почему на меня одну? – недовольно проворчала Марго.

Она вправе рассчитывать на помощь человека, в обязанность которого входит выявлять преступников, каким бы статусом они ни обладали. И с подозрением покосилась на Зыбина с застывшим вопросом в глазах: мол, неужто вы боитесь скандала? Но Марго поторопилась с выводами, впрочем, это с ней часто происходит, а Виссарион Фомич спокойно объяснил, что имел в виду:

– Потому как я не могу пожаловать к его светлости запросто и в любое время, а вы – другое дело. Готовы ли рискнуть, сударыня? Ну же! Мы с вами имеем опыт.

– Разумеется, готова. А в чем риск?

– Надобно слух пустить, будто князь желает сделать наследницей вас. Однако не сразу, попозже.

– Помилуйте, эдак меня убьют, – не обрадовалась Марго.

Но Виссарион Фомич оставил без внимания ее страхи, ибо уже выстраивал в уме путь к тому, кто решился стать преступником, потому его интересовали некоторые подробности:

– А кто первейший наследник князя, его любимчик? Кому достанется львиная доля состояния, а кому крохи?

– Мне неизвестно, – ответила она со вздохом сожаления.

– А вы полюбопытствуйте, кому и что князь намеревался оставить опосля смерти своей. И надобно узнать, известны ли родственникам условия завещания.

– Сделаю все, что от меня зависит.

– Это не все. Не могли бы вы, ваше сиятельство, выяснить тайные слабости претендентов на наследство? Ну, там... есть ли игроки в семье, любители скачек, скряги, дамские угодники, завистники... Мне надобны пороки-с.

– Понимаю. Задолжавшему игроку нужны деньги, взять их негде, только ежели получить наследство.

– Надеюсь, сударыня, вы проявите осторожность?

– Не волнуйтесь, Виссарион Фомич, я знаю, куда мне предстоит залезть, но также неплохо знаю этих людей.

– Осторожность, уважаемая, не помешает. Иной раз человек видится вполне благопристойным, говорит правильно, а на деле подл и мерзок. Распознать такого весьма сложно, тем он и опасен.

Карета остановилась у полицейского участка, Зыбин зашевелился, готовясь выйти, да Марго его задержала:

– Скажите, сударь, а что с женщиной из проруби? Что за объявление вы хотите дать в газеты?

– Надо бы... – хитро заулыбался тот. – Покамись подумать надобно! Позже посовещаемся, ваше сиятельство, и Кирсанова пригласим. Честь имею, сударыня.

Она велела ехать домой, про себя торжествуя: ей удалось-таки переломить женоненавистника Зыбина, он теперь встречает ее с распростертыми объятиями.

* * *

Трое суток промаялась найденная девица в беспамятстве, даже доктор потерял надежду и вынес приговор: сгорит. Помимо тяжелого переохлаждения у больной он нашел нервное истощение, из-за чего организм не желал сопротивляться смерти. Вот и ждали, когда помрет. Молились. По настоянию Прохора доктор прописал лекарства и настои, да только всем было ясно, что не помогут они – дурная трата денег. Один Прохор бился за жизнь найденки, уходя к себе на несколько часов, чтобы поспать.

На пятые сутки под утро она водила осмысленными глазами, но понимать, где она и что с ней, – не понимала, оттого в ее зрачках притаился ужас. Девушка сделала слабую попытку подняться, да только сил не хватило, тихо охнув, она упала на подушку.

В комнате с ней находилась Нюшка, которую отдали в люди тому лет пять, за это время она неплохо научилась отлынивать от работы, но до первых тумачков. После взбучки Нюшка исправно трудилась на благо хозяев, затем снова хитрила и увиливала от работы, снова получала затрещины и затем проявляла усердие. Ходить за болящей – просто манна с небес, Нюшка не теряла зря драгоценного времени и отсыпалась у постели барышни, а что там с умирающей – ей было плевать. С другой стороны, она лелеяла мечту, чтоб умерла найденка попозже, через недельку-другую, чтобы вволю насладиться бездельем.

Вздох Нюшка услышала, проснулась и подскочила, прижавшись к стене спиной и крепясь. Думала, барышня померла, испустив последний вздох – так умер папаша Нюшки, но, увидев перепуганные глаза, блестящие, как у живого человека, она выпалила:

– Барича позову, а ты лежи тучки...

Выскользнув за дверь, Нюшка подняла юбку повыше и, топоча на весь дом босыми пятками, пронеслась по длинному коридору. В комнату Прохора, наказавшему непременно сообщить, если чего с барышней случится, стучалась лихорадочно, приговаривая:

– Барич! Барич, отзовися! Это я, Нюшка. Барич!

Дверь отворилась, на пороге появился заспанный Прохор:

– Какой я тебе барич, дура? Мы не बारे, а купцы. Чего шумишь?

– Да как же! – вытаращила бесцветные глаза с белесыми ресницами девчонка. – Вы ж велели! Найденка очнулась.

Прохор понял, ринулся назад в спальню, схватил халат и, на ходу его натягивая, кинулся в комнату умирающей.

Она зажмурилась, сведя брови, будто увидела чудовище или ждала чего-то ужасного от незнакомого мужчины, который склонился над ней.

– Не бойся, не бойся меня, – заговорил шепотом Прохор. – Тебе ничего дурного здесь не будет. Я нашел тебя на снегу за городом и привез домой. Жар у тебя был, в беспамятстве четверо суток промаялась... Ты понимаешь меня?

Девушка не ответила, не приоткрыла зажмуренных глаз, но чуть заметно кивнула, а это означало, она в сознании. Прохор слегка дотронулся до ее лба, убедился, что недавнего жара нет, хотя лоб еще горячим был, улыбнулся – у него гора с плеч свалилась. Трудно переносить немой укор от родных, будто совершил он постыдный проступок, удивительно, что и отец ни слова упрека не сказал, в то же время не разговаривал с сыном, вроде как обиду затаил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.